

ТАТЬЯНА МЕНЬШИКОВА

16+

**ВЕСЕННЯЯ
ЛОВУШКА**

Татьяна Меньшикова

Весенняя ловушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48806184

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96446-4

Аннотация

Весной, когда льды начинают ломать опоры старых мостов, молодая девушка Василиса отправляется в деревню своего детства Крутояр. Ее желание провести свой короткий отпуск в одиночестве от мужа и родителей бесцеремонно прерывается незванным гостем. Он, сокращая свой путь в родной город Василисы, проездом пересекает Крутояр и случайно получает серьезное ранение по ее вине. Мужчина вынужденно остается жить у Василисы в доме, доставшемся ей по наследству.

От автора: Дорогой читатель! Эта книга – начало моего творческого пути. Для меня очень важна ваша поддержка. Буду признательна за ваши оценки и комментарии. Если книга вам понравилась – ставьте лайки.) Спасибо.

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	39
3	63
4	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Татьяна Меньшикова

Весенняя ловушка

Глава 1

1

Привычно простучав перед собой печней весенний, чуть подтаявший лед, Вася сделала пару маленьких шагов. Левой рукой поддержала за лохматую от старости веревку пластиковые сани, больше напоминающие черное корыто с невысокими бортиками.

Отойдя по подмоченному льду метров на пять от прибрежных зарослей камыша, Вася бросила уже ненужную печню в сани, подхватила выдавший лучшие времена ручной ледобур. Оглянулась на берег, посмотрела по сторонам. Задумчиво склонила голову, оценивая выбранное место. Сама себе кивнула. Отработанным движением ноги в морозостойких, непромокаемых сапогах на добрых пять размеров больше чем надо, расчистила небольшой участок льда от слякоти.

Старый, но совсем не слабый лед, поддавался ледобуру с недовольным скрипом. Спираль бура, когда-то ярко зеленая, а теперь покрытая затейливым узором ржавчины, ушла под

лед больше чем на половину, когда Вася почувствовала, что бур смел последнюю преграду и всей тяжестью резко потянулся на дно. Перехватив рукоять, девушка на миг позволила буру скользнуть ко дну и тут же, собрав все силы, резким движением выдернула его из-под льда. Бур вынырнул из лунки, неся с собой на спирали смесь ледяного крошева с водой.

Вася стояла, опираясь на ледобур, тяжело дыша. Все-таки не женское это дело – зимняя рыбалка. Видели бы меня сейчас девочки с работы, улыбнулась она про себя.

Бескомпромиссная Василиса Андреевна, заместитель начальника отдела имущественного страхования. Элегантные деловые костюмы, каблуки и макияж. Строгая прическа. И дополняющие образ компетентной офисной крысы, как она сама себя называла, очки в черной оправе, с нулевыми диоптриями.

Шаг за шагом строила она свою карьеру. Начиная с простого курьера.

Как только в рабочий процесс ворвались компьютеры и серверы, многие рассчитывали, что постепенно электронные документы заменят бумажные. Возможно, так бы и случилось, но тут в дело вмешались принтеры и копировальные аппараты. И бумажных документов стало в разы больше. А

на каждом документе, как известно, нужна подпись и печать, бывает, что и не одна, бывает, что очень срочно. Вот тут то и незаменима должность офисного курьера. Восемь часов в день бега по кругу. За очень небольшую зарплату.

Но у Василисы появилось и огромное преимущество. Когда пришло время выбора, она смогла оценить превосходство и недостатки всех отделов филиала. За веселый нрав и готовность помочь, ее приглашали к себе несколько отделов на должность специалиста.

Девушка выбрала отдел имущественного страхования. И ошиблась. Результативные и ответственные руководители требуются повсеместно. Начальника отдела, добрейшего, но требовательного человека, через полгода переманили в Москву. Его место занял Головин Лев Геннадьевич, который был уверен, что все подчиненные плохо слышат и только громким криком можно донести до них всю важность рабочего процесса.

Василиса не отчаялась. Уходить из отдела не стала. И не прогадала.

Со временем оказалось, что Головин, в общем-то, не плохой начальник. Он умело выбивал своим громовым голосом дополнительные премии для работников отдела. Ухитрялся составлять график отпусков, учитывая все пожелания. А на замену отпускников выдергивал специалистов из других отделов, если было нужно. Своих же людей никогда на замену в другие отделы не отдавал.

С работы Василиса домой не торопилась. Постоянные переработки в вечернее и субботнее время на протяжении нескольких лет стали для нее привычным делом.

Пришла пора карьерного роста, но никто не замечал ее стараний. Так продолжалось бы еще, бог знает сколько, если бы не откровение подвыпившей коллеги.

Марина, ровесница Василисы, по русской традиции накрыла сладкий стол и не забыла о шампанском – ее назначили главным специалистом их отдела.

Василиса с трудом сумела скрыть разочарование. На эту должность должны были взять ее. Это она задерживалась на работе, доделывая отчеты в конце месяца за своих непутевых коллег. Это она моталась в морозы и в жару на пригородных автобусах осматривать и оценивать дома в ближайших деревнях на предмет страхового случая от пожаров и подтоплений. И все это только за туманные намеки на повышение ото Льва Геннадьевича. Который, не стесняясь, пользовался безотказностью Василисы, обещая замолвить за нее словечко, как только появится свободная вакансия.

– Дура, ты Васька, – сказала тогда Марина. – Ни один нормальный мужик не станет двигать тебя по службе. Ты себя в зеркало видела? Старшеклассницы выглядят солидней тебя. И эти твои джинсы в обтяжку... Да любой мужчина, будь он хоть клиент, хоть твой подчиненный, только и будет рядом с тобой думать не о работе, а о том есть ли у него шанс стянуть с тебя штаны. Что с того, что касается дела, ты умнее всех

в отделе? У мужчин, по определению, красивая и молодая девушка – безмозглая курица. Житейской хитрости в тебе ни капли.

– Как же мне теперь быть? – растерялась от такой прямоты Василиса. – Всю оставшуюся жизнь в мелких клерках сидеть? Или паранджу носить?

– С такой внешностью, как у тебя, я бы зацепила клиента побогаче, да замуж за него выскочила, – усмехнулась Марина. – Благо, при нашей профессии есть возможность оценить его достаток.

– Я замужем, – буркнула Василиса.

– Ну и зря, – хихикнула пьяная Марина. – Если серьезно, то скромнее тебе надо быть. Замаскируй свою красоту, свою молодость, свою энергию. Деловая стрижка. Туфли, а не кроссовки. Они совсем не добавляют тебе солидности, – Марина с пьяной многозначительностью подняла палец. – И обязательно очки в толстой оправе. Ты должна спрятать свои глазищи.

– Разве дело только во внешности?

– В твоём случае – без вариантов! Сама слышала, как Головину жаловались на тебя клиенты. Некоторые из них думают, особенно женщины, что ты слишком молода и неопытна, чтобы по достоинству оценить их заинтересованность в нашей компании. Я тебе так скажу: зависть – страшная вещь!

Спустя полгода, приняв совет, Василиса была уже не просто Васей, а Василисой Андреевной, заместителем началь-

ника отдела. Лев Геннадьевич со словами: "Думаю, ты лучшее, что есть в этом отделе", неожиданно сам предложил ей это место.

Это был первый отпуск в новой должности. Крутояр, глушь и захолустье, идеально вписывался в совсем не "отпускное" настроение девушки.

Василиса расположилась у лунки. Не спеша размотала короткую удочку для зимней ловли и настроилась на ожидание.

Ради этого состояния, подобного медитации, она и приходила на лед. Только здесь, в тишине, была возможность подумать о том, на что в суматошной городской суете не остается времени. Здесь начиналось время для воспоминаний. Время для наведения порядка в голове и время принятия решений. Ну, а с десятков пойманных чебаков Василиса относила соседской кошке. Хозяйка кошки, Надежда Алексеевна, взамен снабжала девушку молоком и сметаной.

Корова у соседки была хорошая и молока давала много. Слишком много для одинокой пожилой женщины. Василиса подозревала, что молоком бы ее поили и просто так, но ей нравилось думать, что она его заработала.

За спиной послышался далекий шум двигателя. Убежденная в том, что это очередной столичный торопыга надумал сократить путь по зимнику, девушка бросила взгляд на бе-

рег. Так и есть. Белый, под толстым слоем грязи, внедорожник, давя широкими шинами весеннюю слякоть, полз по колее, оставленной тракторами. Вася беззлобно усмехнулась. Водители часто срезали пару сотен километров пути из столицы к областному центру через Крутояр. Вот только нужно знать в какое время года это стоит делать... Этому бедолаге придется поворачивать назад — ледовую переправу через реку для автомобилей закрыли три дня назад.

Весенний лед был непредсказуем. Серый, хрупкий и пористый. Местами он все еще мог легко выдержать грузовой автомобиль, но иногда, там, где коварное течение подмывало его снизу, хватало и веса ребенка проломить тонкую преграду и оказаться в ледяной воде.

Каждый год река собирала свой печальный урожай, несмотря на предупреждения местных властей. Всегда находились самоуверенные смельчаки, рискующие своей головой. Не всем удавалось добраться до противоположного берега.

К приманке подо льдом подошла стайка мальков. Кивок на удочке слабо подергивался, но уверенной поклевки не было.

Двигатель автомобиля на берегу примолк, тихо урча на холостых оборотах. Приглушенно хлопнула дверца.

Василиса резко дернула удочку, подсекая зазевавшегося чебака, но рыбка оказалась хитрее.

Наглый, короткий свист вспорол тишину над озером.

Вздрыгнув от неожиданности, Василиса подавила в себе первый порыв оглянуться на наглеца, лишь недовольно передернула плечами.

Второй призыв свистом не заставил себя долго ждать. Подзывать девушку свистом? Да никогда она не повернется на этот звук! Пусть хоть до вечера изображает из себя Соловья-разбойника. То, что на льду именно девушка, так это только слепой не заметит: пуховик бирюзового цвета и белая, с вышитым узором, вязаная шапка с бирюзовым же меховым помпоном. Подойти к ней водитель не посмеет, вряд ли он возит с собой двухметровую доску или сапоги, чтобы преодолеть выступившую воду у берега. Пусть надрывается сколько угодно, она и не подумает откликаться!

Грязный ледяной камень, оставив серый след на рукаве ее куртки, шлепнулся в снег в метре перед ней.

Василиса поглядела на булыжник, не веря своим глазам. Аккуратно отложила удочку. Стряхнула грязь с рукава и только после этого протянула руку, подобрала камень, сдерживая рвущийся наружу гнев. Медленно встала и развернулась к берегу.

Высокий мужчина без головного убора, лет тридцати – тридцати пяти, стоял на берегу в распахнутой легкой дубленке, из-под которой виднелась нежно-голубая рубашка. Он зачерпнул с обочины пригоршню чистого снега и сейчас, перебирая пальцами, таял его в руке.

– Ты, глуховатая, что ли? – насмешливо спросил он, лени-

во стряхивая капли с ладони.

Василиса, прищурившись, молча смотрела на него. Хозяин жизни. Дорогая машина, дорогая одежда, стильная стрижка. Она ничего не имела против богатых людей. Ее профессия обязывала вести с ними дело почти каждый день. В большинстве своем это были приятные, вежливые люди. А вот хамство Василиса ненавидела всей душой. Рука ее, державшая булыжник, поднялась, и ледяной камень отправился к своему первому хозяину.

Мужчина не шелохнулся, только проводил булыжник взглядом. Камень пролетел в метре от него и врезался в центр диска заднего колеса автомобиля, разлетевшись от удара на несколько кусков.

– В десятку, – констатировал он.

– Такое понятие, как вежливость, вам не знакомо? – зло поинтересовалась Василиса. – Вы могли попасть мне в голову!

– Не мог. Я попал именно туда, куда хотел, – в его голосе не было ни капли сожаления и намек на извинения. – Подскажешь, как проехать к переправе?

Есть все-таки справедливость на этом свете. Вася с трудом сдержала улыбку. Переправа закрыта и ему придется возвращаться на мост. Но пусть он убедиться в этом сам. Ей даже не придется обманывать, она просто не скажет всей правды...

– Вы очень спешите?

– Это важно? – спросил он.

– На самом деле все зависит от того, насколько вы цените свой автомобиль, – серьезно ответила Вася.

– Не говори загадками, просто покажи куда ехать.

– Вы предпочитаете длинную хорошую или короткую, но плохую дорогу?

– Объясни про обе.

– Длинная ведет через деревню, вам надо вернуться на сотню метров назад и свернуть направо, проехать через деревню и вы окажетесь на вполне приличной дороге к переправе. Ну, а если не желаете тратить время на просмотр достопримечательностей Крутояра, то вам – прямо. Немного потрястись и через пять минут вы будете на месте, – она очаровательно улыбнулась. Совсем необязательно говорить, что в это время года даже трактористы избегали пользоваться этим путем.

Мужчина внимательно выслушал указания, не отводя от нее взгляда. Губа у него дернулась, на секунду обнажив белоснежные зубы. Должно быть, это улыбка, подумала Василиса и широко улыбнулась в ответ. Он кивнул и, не прощаясь, вернулся в машину. Двигатель утробно рыкнул, автомобиль уверенно тронулся навстречу тракторной колее.

Василиса усмехнулась. Она ни секунды не сомневалась, что этот самоуверенный хам выберет короткую дорогу. Теперь надо быстренько смотать удочку и поскорее убраться отсюда. Когда он злой поедет назад, лучше не попадаться ему на глаза.

Она не успела. То есть она сложила свои вещи с небогатым уловом в сани, и даже выбралась на берег. Ей не хватило буквально пару минут, чтобы скрыться на тропинке ведущей к деревне через березовую рощу, когда за спиной раздался мужской голос.

– Эй, Десятка, мне опять нужна твоя помощь.

В этот раз он сумел окликнуть ее без наглого свиста. Вася вздохнула, неохотно повернулась ему навстречу. Кажется, он не злился... И он был пешком. Воротник легкой дубленки был поднят, но это мало спасало его уши от легкого утреннего мороза.

– Где же ваша машина? – поинтересовалась Василиса. – Вас ограбили?

– Я застрял. Ты забыла сказать, что по этой дороге могут проехать только танки.

Ну что ж, он хотя бы достойно умел принимать поражение.

– Откуда мне было об этом знать? – ответила девушка, пряча улыбку под шарфом. – Так чем я могу вам помочь? Я, конечно же, могу сходить в деревню и найти тракториста, но боюсь, от него будет мало толку. Он у нас человек увлекающийся. К сожалению, именно сейчас он увлекся празднованием встречи весны. Думаю, это надолго. Мне очень жаль.

– Ты умеешь водить? – мужчина бесцеремонно прервал ее монолог.

– Вы хотите, что бы я сама пригнала трактор? – распахнув

глаза от удивления, уточнила Вася.

– Я хочу, чтобы ты села за руль моей машины и нажала на педаль газа в нужный момент, пока я буду подкидывать ветки под колеса, – объяснил он. – Иди за мной, я не далеко смог отъехать.

Машина действительно оказалась близко. Она, плавно урча мощным двигателем, висела железным брюхом на отвале из застывшего месива снега, земли и льда между колеями. Правые колеса почти не касались твердой почвы.

– Ух, ты! Как вас угораздило так вляпаться? – иронично восхитилась Вася, обойдя машину вокруг.

– Я очень торопился, – таким же тоном ответил мужчина. – Садись за руль. Справа газ, слева тормоз. Открой окна. Я скажу тебе, что делать.

– Даже не знаю... Есть ли в этом смысл? Может, стоит дожждаться, пока не придет в себя тракторист?

– Попробуем обойтись без него. Мне не хочется встречать лето в вашей деревне, – невозмутимо ответил мужчина. Василиса озадаченно на него посмотрела. Он пошутил в ответ или воспринял ее слова всерьез?

Мужчина, тем временем, достал из багажника новенький топор и принялся со знанием дела рубить тонкие деревца. Василиса с любопытством наблюдала за ним через окно. Силен, тут не поспоришь: одним ударом небольшого топорика он легко перерубал молодые березки.

– Эй, Десятка, переключи на заднюю передачу и попробуй

тронуться, – скомандовал он, просунув срубленные стволы под колеса, обеспечивая им сцепление с землей.

Василиса ухватилась за обтянутый кожей руль и плавно нажала на газ. Сделать это в огромных сапогах оказалось нелегко, но она справилась. Машина дернулась, рывком сдвинулась назад на пол метра, но как только Вася отпустила педаль, вернулась в первоначальное положение. Соскочить с отвала с первой попытки не удалось.

– Теперь вперед! – крикнул ей мужчина, упираясь руками в багажник.

Автомобиль, чуть пробуксовав на ветках, слетел со снежной насыпи и крепко сцепился всеми четырьмя колесами с землей.

– Что теперь? – спросила Вася у хозяина автомобиля, высунув голову в окно. – Я могу идти?

– Теперь надо выехать обратно. Уверен, что впереди дорога не лучше. Я сейчас немного завалю колею, и ты сдашь назад.

Василиса развалилась на сиденье и приготовилась ждать. Она не собиралась покидать уютный салон машины и предлагать свою помощь. Из динамиков доносилась едва слышная музыка. Вася прибавила громкости, постукивая в такт ладонью по рулю.

Утро было в самом разгаре. Голые ветки юных берез не были преградой для весеннего солнца, и девушка украдкой принялась наблюдать за мужчиной. Он скупыми, точными

движениями подрубал молодую поросль топориком, складывая тонкие стволы в одну кучу, чтобы потом все разом кинуть под колеса. Смуглая кожа, высокие скулы. Черные, чуть волнистые волосы растрепались от резких движений, несколько прядей упали на лоб. Мужчина словно почувствовал, что его рассматривают, раскрытой пятерней откинул волосы со лба, оглянулся на Василису.

– Ты хочешь что-то мне сказать? – хмуро поинтересовался он, выпрямившись и провернув в руке топор.

– Нет, – Василиса ощутила себя неуютно под его взглядом. Она вдруг осознала, что здесь, посреди леса она наедине с незнакомым мужчиной. Зачем вообще она отправила его на переправу? Ну, свистнул он и что? Стоило из-за этого обижаться? Сказала бы, что переправа закрыта и сейчас спокойно продолжала бы ловить рыбку для Мурзилки, а через часик другой вернулась бы домой. Сегодня вечером, соседка Надежда Алексеевна ждет ее на пироги.

Василиса тоскливо вздохнула. Может уйти? А если он не задумал ничего плохого? Я буду выглядеть полной идиоткой, подумала она. Да и не похож он на маньяка.

По ее мнению, маньяк должен выглядеть, как неуверенный, некрасивый, сутулый мужик с заискивающей улыбкой и мокрыми губами. Хозяин автомобиля, напротив, излучал уверенность в каждом жесте, в каждом движении. Он больше напоминает бандита, чем похож на сексуального маньяка, решила Вася.

Бандиты, как известно, просто так не убивают, им повод нужен. Какой она может дать повод? Денег у нее нет, это любому понятно. И вряд ли она привлечет его физически в бесформенном пуховике и с покрасневшим носом. Только огромный размер сапог чего стоит.

– Десятка, уснула что ли? – мужчина стоял перед машиной, положив руки на капот. – Включай заднюю!

– Вообще-то, у меня имя есть, – недовольно пробурчала про себя Вася, но послушно включила заднюю передачу. Не успела она проехать и метра, как мужчина махнул ей рукой, веля остановиться. В боковое зеркало Вася увидела, как он прошел вдоль машины, склонился над задним колесом, пытаясь протолкнуть под шину, выбившуюся из настила, толстую ветку.

Вдруг почувствовав, как сапог соскальзывает с тугой педали тормоза, Вася, перехватив педаль другой ногой, уверенно вдавила ее в пол. Она и сама не поняла, как нога в большом неуклюжем сапоге, вместо нужной педали со всей силы нажала на акселератор.

Мощный турбированный мотор, взрыв всеми четырьмя шипованными колесами стылую землю, рванул двухтонную машину назад, через свежий настил из веток. Мгновения Василисиной растерянности хватило, чтобы автомобиль пронесся по колее, вдавливая сучья в грязный снег, и оказался на твердой, относительно ровной, поверхности, гордо опираясь на нее всеми колесами.

Василиса дрожащими руками перевела рычаг автоматической коробки передач на паркинг. Зачем-то выключила музыку. Только что, она чуть не угробила дорогой внедорожник и, предчувствуя гнев хозяина, огляделась вокруг, ища его взглядом.

Вопреки ожиданиям, он не стоял перед автомобилем с угрожающим видом, перебирая в голове неласковые слова в ее адрес. Он лежал на снежной обочине, завалившись на левый бок, зажав руками правую ногу чуть выше колена. К черно-белому цвету лесной дороги добавился алый.

Неудачно расположенная ветка вылетела из-под колеса и рубленым острием пропорол мужчине бедро.

Выскочив из машины, Василиса бросилась к нему, спотыкаясь о подмерзшую грязь.

Он со стоном, не отрывая рук от ноги, попытался сесть. Алая кровь, пульсируя, с новой силой брызнула из раны, окрашивая его руки в красный.

– Дай платок, – на выдохе, одними губами произнес он. Вася сорвала с шеи вязаный шарф, парой движений скрутив его в импровизированный жгут. Грохнулась перед мужчиной на колени и трясущимися руками стала затягивать шарф у него на бедре над рваной раной, пережимая вены и артерии, и старательно отводя глаза от самой раны. Белый шарф тут же пропитался кровью. На черных брюках кровь не бросалась в глаза, только в разорванной ткани над коленом алела вспоротая человеческая плоть.

– Держитесь за меня, нужно дойти до машины, – она набралась смелости и посмотрела в лицо мужчине. Его смуглая кожа стала пепельной от боли, но глаза смотрели ясно и зло. Она подавила порыв отшатнуться, протянула ему руку. – Потом меня убьете. Сейчас позвольте, я вам помогу.

В ответ он кивнул, словно заключил негласный договор. Ухватился за предложенную руку, тяжело поднялся.

Несколько метров до машины показались им бесконечно долгой дорогой. Каждый шаг давался с трудом. Вася считала себя сильной, но практически тащить на себе мужчину вдвое больше, было безмерно тяжело. И только устроив его на заднем сиденье автомобиля, она позволила себе обреченно вздохнуть. Полдела сделано, теперь его надо срочно отвезти в деревню.

Вытерев о снег липкие от чужой крови руки, она села за руль, сняла шапку, позволив белокурым волосам рассыпаться по плечам. Изогнувшись, повернулась назад и, стараясь не смотреть на мужчину, осторожно тронулась задним ходом.

Пассажир, вытянув раненную ногу вдоль сиденья, опираясь спиной на дверку, уже держал в руках, невесть откуда взявшуюся, полную бутылку виски. Неудачная попытка сделать из нее глоток на ходу привела лишь к тому, что часть напитка выплеснулась мужчине на грудь.

– Притормози.

– Может вам не стоит пить, все-таки у вас большая потеря крови, – проговорила Вася, но машину послушно останови-

ла.

Мужчина, не слушая ее, приложился к горлышку, сделал несколько больших глотков, хмуро на нее посмотрел и протянул бутылку девушке.

– Глотни. У тебя бледный вид.

– Нет, предпочитаю обходиться без этого и вам не советую.

– Кому нужны твои советы? Молча делай, что велено. Договорились?

– Договорились, – буркнула Василиса, едва сдержавшись, чтобы не нахамить в ответ. – Можно уже ехать? Как бы вы сознание не потеряли... Я вас из машины не смогу вытащить, доктору местному показать.

– Не потеряю, не бойся. Рана только на вид страшная, главная артерия не задета. Но ты езжай, только не гони.

– Вы врач?

– Нет.

– Так откуда вам известно, что у вас задето, а что нет? – поинтересовалась Вася.

– Я в школе хорошо учился, – резко ответил он.

Вася недоверчиво хмыкнула и замолчала. Придется немного потерпеть откровенное хамство, не бросать же его здесь.

У Василисы был небогатый опыт управления автомобилем. А тут, лесная дорога в рытвинах, да еще и езда задним ходом. От неудобной позы начала болеть шея. Двигать-

ся приходилось осторожно, чтобы не врезаться ненароком в какое-нибудь деревце или не угодить в особо глубокую яму. Если машина застрянет еще раз, то Василисе точно придется бежать за помощью в деревню.

То и дело приходилось сдавать вперед, когда она чувствовала, что не сможет протиснуться в особо неудобных местах с первой попытки. Возможность развернуться появиться только у озера, когда они выберутся из низкорослой рощи.

Пассажир больше не просил остановиться, и не лез к ней с советами по вождению, молча прикладываясь к своей бутылке на ходу. Он вел себя так, словно это не его новенький автомобиль под руководством неопытного водителя через каждые несколько метров норовил снести бампером очередное дерево.

Несколько раз она ловила на себе его внимательный, прищуренный взгляд. Через сотню метров девушка окончательно приноровилась к управлению и габаритам автомобиля, и дело пошло быстрее.

Скорей бы все закончилось, подумала она. Отвезу его к Захарову, местному фельдшеру. Он хоть и вышел давно на пенсию, но продолжал работать в медчасти на добровольной основе.

Медицинский пункт в Крутояре давно бы уже закрыли, если бы не Михаил Петрович Захаров. Молодые доктора не торопились ехать в глухую деревню и работать за невысокую зарплату. Даже предоставление бесплатного жилья ни сколь-

ко не меняло дело.

Деревня Крутояр раскинулась на вершине невысокого пологого холма, в месте, где одна большая река, образуя протяжный остров, распадалась на два рукава. Местные жители не отличались безудержной фантазией и звали их просто – Левый и Правый.

Сейчас, в межсезонье, до ближайшей приличной больницы в небольшом городке часа два езды на юго-запад через мост на Левой. Зимой проще, по ледовой переправе через Правую, до крупного областного центра можно добраться за час. Только вот переправа уже не работает...

Что делать с раненым, пусть решает Захаров. Везти ли его в городок или оставлять в медчасти.

Наконец машина выбралась из лесочка. Василиса вышла, осмотрелась. Насколько она помнила, в этом месте летом была ровная поляна, переходящая в небольшой песчаный пляж. Пожалуй, здесь можно попробовать развернуться, не боясь завязнуть в, подсевшем от весенних лучей, снегу. Села обратно за руль, повернулась к пассажиру, внимательно на него взглянула и проговорила:

– Что-то вид у вас неважный. Вы бы сказали, как вас зовут. Номер телефона супруги продиктовали, ну, или близких родственников.

– Тебе зачем?– недружелюбно спросил мужчина.

– Когда вы потеряете сознание или, не дай бог, умрете от потери крови или заражения, я же должна буду кому-то об

этом сообщить? – непринужденно проговорила Вася, и добавила, мстительно улыбаясь. – Или предпочитаете быть похороненным, как неопознанный труп?

– Марат, – серыми губами произнес он.

– И все?

– Тебе хватит. У меня другие планы на свою смерть.

– Хватит, так хватит. Не могу сказать, что мне приятно знакомство с вами. Но, к сожалению, в том, что случилось, есть и моя вина. Понимаю, что вам от моих извинений несколько легче не станет, все же хочу попросить прощения. Я и предположить не могла, чем все обернется.

– Я подумаю, – через силу усмехнулся он. – И раз мы начали знакомиться, может, ты тоже назовешь свое имя?

– Ну, уж нет, – покачала головой Василиса. – Не зная моего имени, вам будет труднее меня найти, если вдруг вы надумаете устроить мне неприятности. Что-то подсказывает мне, что мое раскаяние должного впечатления на вас вовсе не произвело.

Наезженная колея, ведущая к деревне, изобиловала мелкими рытвинами и кочками, не позволяя прибавить скорость. Проезжая мимо брошенных рядом с дорогой своих саней, Василиса с сожалением мазнула по ним взглядом, но не стала останавливаться. Сюда можно будет вернуться позже. Марат перестал прикладываться к бутылке и полулежал на сиденье с закрытыми глазами.

Три десятка старых бревенчатых домов Крутояра дымили

своими трубами на фоне чистого голубого неба. Главная дорога, когда-то заасфальтированная, сейчас выглядела, словно после минометного обстрела.

Когда-то, еще при Союзе, областные власти решили, что огромная территория с заливными лугами и тенистыми рощами, огороженная естественными преградами: с трех сторон реками, а с четвертой болотами, идеально подойдет для свободного выпаса породистых лошадей и адаптации их к суровым зимам. И не жалея бюджетных денег основали на холме конезавод.

Советский Союз развалился, приватизированный конезавод быстро пришел в упадок. Лошадей распродали, конюшни растащили на стройматериалы. А люди остались...

Работы в деревне почти не было, местное трудоспособное население потихоньку потянулось на заработки в соседние города. Зимой в Крутояре постоянно проживали только неработающие пенсионеры и семьи мужиков, зарабатывающих на ловле рыбы. Летом деревня немного оживала, наполняясь любителями речной ловли, да и просто желающими провести отпуск на фоне живописной природы.

Неприметный вход в медчасть располагался с торца длинного, приземистого здания сельской администрации. Тут же, только с главного входа, по центру здания, было и почтовое

отделение, работающее один день в неделю и вечно закрытый кабинет участкового, и кабинет председателя.

Площадь перед администрацией оказалась единственно чистым местом, с ровным асфальтом. Справа от площади приютился одинокий сельский магазинчик, в котором вопреки всем санитарным и пожарным нормам продавалось все, что может понадобиться, начиная от продуктов и заканчивая таблетками от головной боли и пластиковыми цветами для кладбища.

Прямо напротив администрации стоял огромный сруб. В нем когда-то размещался сельский клуб. Василиса еще помнила, как в детстве бегала туда смотреть кино. Сейчас здание за ненадобностью было на замке, который уже успел покрыться ржавчиной.

Василиса подъехала вплотную к медчасти. Замка на двери нет, уже хорошо – значит Захаров здесь.

Пассажир продолжал лежать с закрытыми глазами, грудь мерно вздымалась. Пока живой, сделала утешительный вывод Вася, и поторопилась за помощью.

В прихожей, старые деревянные стулья, на которых обычно сидели, ожидая приема, местные пенсионеры, стояли пустыми. Вешалка в углу блестела голыми, зализанными крючками. Все четыре белые двери без всяких указателей, веду-

щие из коридора в кабинеты, были наглухо закрыты.

– Михаил Петрович, вы здесь? – прокричала в пространство Василиса.

– Проходите, – глухо послышалось из-за ближайшей двери. – У меня свободно.

Василиса шагнула в кабинет. За столом, спиной к большому окну, сидел Захаров. Седой, с яркими голубыми глазами, он был похож на доктора Айболита из советского мультфильма. Только вместо белого халата на плечах его висела коричневая дубленка из овчины, а из-под стола торчали ноги в стоптанных валенках.

– Как ты удачно успела, – проговорил он, растирая руки. – Я, уж было, собрался домой. Замерз, как собака! Котел в кочегарке опять сломался, отопления нет и когда будет – неизвестно. Скорей бы уже лето. Ну, что у тебя стряслось?

– Несчастный случай, Михаил Петрович. Без вашей помощи никак не обойтись.

– Кто? – обеспокоено спросил Захаров.

– Проезжий.

Доктор, без лишних слов, на ходу выдернув из пачки синие смотровые перчатки, быстро вышел из кабинета вслед за девушкой. Не теряя времени даром, он распахнул дверь автомобиля. Пары секунд ему хватило, чтобы оценить обстановку.

– Когда жгут наложили? – спросил он, обернувшись на Василису. Она растерянно пожала плечами. Час? Два? Она

не смотрела на часы. Ей казалось, что из рожи они выбира-
лась пол жизни.

– Минут тридцать, – вместо нее ответил Марат, очнувшись, то ли ото сна, то ли придя в сознание и, подтянувшись руками за спинки сидений, сел.

– Нормально. Ногу чувствуешь? – спросил Захаров, пытаюсь нащупать узел на жгуте. Свернувшаяся кровь потемнела и склеила в одно месиво белый шарф и ткань брюк. На светло-бежевой кожаной обивке заднего сиденья под раненной ногой расплзлось обширное, бурое, липкое пятно.

– У нас не столица – каталок не держим. Так что, извини, придется шуровать своим ходом, – Захаров протянул Марату руку.

Поддерживая Марата с обеих сторон, Василиса и Михаил Петрович зашли в медчасть. Захаров распахнул перед ними последнюю дверь.

Посреди кабинета стояла высокая смотровая кушетка, обтянутая серой виниловой кожей. Вдоль стены выстроились белые шкафчики со стеклянными дверками и с множеством стеклянных же полочек внутри. Большая часть полочек сияла пустотой.

– Не уходи, помощь твоя понадобится, – велел Михаил Петрович Васе. Она послушалась, осталась, несмотря на огромное желание сбежать.

Вдвоем они помогли Марату устроиться на высоком столе. Захаров с помощью медицинских ножниц срезал то, во что

превратились брюки, с ноги мужчины и внимательно осмотрел рану.

– Нормально. Жить будешь. Даже с двумя ногами, – бодро произнес доктор и повернулся в сторону девушки. – Ступай в мой кабинет, принеси из шкафа две бутылки физраствора, стойку для капельницы и систему для вливания. А вам молодой человек, я сейчас обколю ногу новокаином. К сожалению, это единственное обезболивающее, что есть в этой больнице... Потом очищу и заштопаю вашу рану. Шрам, наверняка, будет безобразный, но ничего лучше в этих условиях предложить не могу. Итак, вы согласны на медицинское вмешательство?

– Конечно, согласен, делайте свою работу, доктор, – ответил Марат, и обессилено откинул голову на кушетку.

Василиса вернулась со стойкой, и в стремлении, как можно больше помочь, неуклюже потянула дубленку Марата за рукав, пытаясь освободить локтевые сгибы для капельницы.

– Не лезь. У меня всего лишь рана на ноге, руки прекрасно работают, – раздраженно процедил Марат. Василиса досадливо отступила.

– Знаете что, многоуважаемый Марат, я виновата в том, что произошло, но сейчас я пытаюсь помочь, и ваша грубость очень этому препятствует. И не переживайте за свою машину, я хорошо зарабатываю и оплачу любую чистку салона вашего автомобиля, – добавила она.

– Кровь невозможно очистить от кожи на сиденье, – уста-

ло возразил он, снимая с себя дубленку и оставаясь в одной тонкой бледно-голубой рубашке. Не обращая внимания на пятна крови, он закатал рукав и протянул жилистую руку Захарову, позволяя ввести себе в вену иглу.

Михаил Петрович плечом отодвинул растерянную Василису от стола. Разложил на металлическом столике на колесиках все необходимое. Тихонько насвистывая себе под нос незатейливый мотив, он несуетливо принялся за работу. Новокаин почти совсем не помогал, как обезболивающее средство, и на каждое новое движение доктора Марат сжимал челюсти так сильно, что был слышен скрежет его зубов.

Василиса присела на кушетку в углу. Вцепившись руками в ее край, борясь с нахлынувшей тошнотой, она широко открытыми глазами наблюдала, как доктор, широко раздвигая пальцами края раны, живо шарит там пинцетом, отделяя от живой плоти окровавленные обломки сломанной ветки и отправляет их в кювету.

Первый раз за всю свою жизнь она столкнулась с такой болью. И пусть больно сейчас не ей, а другому, совсем чужо-му человеку, но осознание того, что она причина этих страданий, наполнили ее рассудок такими душевными переживаниями, что сознание не выдержало и погрузилось в спасительную тьму.

– Вот и славно, пусть полежит, – проговорил Захаров, заметив краем глаза, что Василиса аккуратно завалилась на бок. – Тебе бы тоже не помешало потерять сознание, – об-

ратился он к Марату. – Замечательный естественный наркоз. Хотя, должен признаться, ты неплохо держишься. Боевые действия?

Марат не без труда расцепил зубы:

– Да. А вы где наловчились шить на «живую»? Там же?

– Не совсем, – смутился Захаров. – Но мы сейчас не будем об этом говорить. Немного осталось, потерпи.

Василиса очнулась от резкого запаха. Мотнув головой, пытаясь от него избавиться, она стукнулась затылком обо что-то твердое, ойкнула, открыла глаза.

– Ну, вот и отлично! Сейчас чайку горячего попьем... – перед ней стоял Михаил Петрович, помахивая у нее перед носом ваткой пропитанной нашатырем.

– Все, уберите от меня свои ядохимикаты! Я в норме! – Василиса села, огляделась. Она все там же, в кабинете медчасти. Только Марат уже не лежал кулем, изображая из себя жертву автокатастрофы, а расслабленно сидел на кушетке, свесив ноги. Раненная нога, отмытая, туго перебинтованная больше не пугала зияющей раной, и Василиса с облегчением выдохнула.

– Долго я была без сознания? – вяло поинтересовалась она.

– Что ты, совсем чуть-чуть, – переглянувшись с Маратом, ответил доктор.

– Я, пожалуй, пойду, – протянула она, медленно вставая, стараясь ни кого не смотреть. – У меня дел невпроворот.

– Каких дел, Вася? Ты же в отпуске, – удивился доктор.

– Вася? – Марат насмешливо приподнял черную бровь. – Так тебя зовут Вася? Как кота?

– Василиса меня зовут, – огрызнулась Вася, разглядывая свой пуховик. Засохшая кровь выделялась на нем яркими пятнами. – Приятно было повидаться. Всем до свидания. Меня ждет большая стирка.

– Боюсь, что не всем, – громко сказал Михаил Петрович. – В здании нет отопления и оставаться здесь нельзя. Ночью будет минусовая температура.

– И что? – Девушка подозрительно прищурила зеленые глаза.

– Человеку надо прийти в себя. Ему нельзя сейчас садиться за руль. Ему требуется уход и присмотр.

– И что? – повторила Василиса. Она никак не могла взять в толк, что он нее хотят.

– Я переночую у тебя, – рубанул Марат.

– Не-е-ет, – покачала головой девушка, пытаясь через силу улыбнуться. – Вы не будете у меня ночевать, а я не буду за вами ухаживать.

Замызганную машину Василиса остановила перед воротами своего дома. Их не открывали пару лет и они, прогнувшись, упирались створками в стылую землю. Недовольная

тем, что не смогла отвертеться от навязанного жильца, Вася демонстративно не сделала ни единой попытки его поддержать. Мужчине пришлось, помогая себе костылем, идти десяток метров самому по скользкой дорожке до крыльца Василисиного дома.

Старый дом, доставшийся Василисе по наследству от деда, был разделен на две части огромной выбеленной русской печкой и примыкавшей к ней одним боком небольшой ванной комнаты, в которую можно было попасть сразу из прихожей.

Первая дверь вела в правую часть дома, где по правой же стенке, пристроилась небольшая кухня. Под большим окном, смотрящим на улицу, втиснулся стол. Слева от стола, почти на четверть комнаты растянулся широкий диван с высокой спинкой, застеленный теплым черно-белым пледом на который и опустился Марат, едва зайдя внутрь.

За дверью слева скрывалась большая комната с двуспальной кроватью и с огромным трехстворчатым шкафом, дверки которого украшала тонкая резьба. Дубовый комод, с прибившимся на нем телевизором, завершал обстановку.

Василиса ничего здесь не меняла после смерти деда. Все эти вещи напоминали о долгих летних днях, проведенных здесь, когда она была ребенком.

Новая, современная бытовая техника без труда вписывалась в деревенский дом. Дед обожал прогресс и отлично разбирался в новых гаджетах. Прекрасно разграничивая дей-

ствительно нужные вещи, типа микроволновки, от бытовой техники на один день, типа электрошашлычницы.

Современные же технологии позволили провести в дом водопровод и соорудить ванную комнату с настоящей небольшой ванной, что было редкостью в таких деревенских домах. Дедушка, еще до болезни, сделал это, чтобы привыкшая к городским удобствам Василиса, чувствовала себя здесь, как в городской квартире.

В этот старый дом, после смерти деда, она приезжала всегда одна. Муж деревенскую жизнь не любил, предпочитая проводить отпуск в других, более цивилизованных местах.

– Ты живешь здесь одна? – поинтересовался Марат, с любопытством наблюдая, как девушка ловко ободрав бересту с березового полена, растапливает печь. За день она остыла, в доме стало неуютно от пробирающей до костей сырости деревянного сруба.

– Да, – коротко ответила Василиса. Ей не хотелось говорить. Ее все еще немного тошнило, и было отчего-то чуточку стыдно за старую мебель, за вышарканный пол, за закопченный чайник стоявший на печке и в котором получалось заваривать особенно вкусный со смородиновым листом.

Она сама не понимала, отчего возникло это чувство перед незванным гостем. Может оттого, что он даже в старых джинсах, которые где-то раздобыл для него Михаил Петрович, в замызанной грязью и кровью рубашке, выглядел достойно и независимо? Тем хуже для него, усмехнулась про себя Ва-

силиса, пусть корчится от голода, если побрезгует есть из ее посуды, в чистоте которой она нисколько не сомневалась, а вот внешний вид тарелок из прошлого века оставлял желать лучшего. Старая керамика местами потрескалась, позолоченный орнамент стерся.

– Не желаете перекусить? – предложила она.

– Не сейчас. Я лягу здесь, – не спрашивая разрешения, а констатируя факт, проговорил Марат.

– Как вам будет угодно, мне все равно. Принесу одеяло, – с преувеличенным равнодушием ответила Василиса. Достав из огромного шкафа одеяло и подушку, она небрежно швырнула это на диван.

– Будьте как дома.

– Чем ты недовольна? – устало поинтересовался Марат, увернувшись от подушки.

– Неужели это так трудно понять? – спросила она и тут же сама ответила, – Мой дом оккупировал незнакомый мужик!

– Ценю твою прямоту. Но, послушай, Василиса. Для начала, давай перейдем на «ты». Нам предстоит провести вместе какое-то время и тебе будет проще, если ты станешь относиться ко мне не как к человеку, которому что-то должна и перед которым виновата, а как к случайному попутчику.

– Вот, значит, как! Тебя беспокоит мое душевное спокойствие! Я прям, тронута такой заботой! – взорвалась Вася. – Откуда ты только взялся на мою голову, такой заботливый?

– На самом деле мне наплевать, что ты чувствуешь, – без-

различно пожал плечами Марат. – Важно лишь то, что ты делаешь.

– Да пошел ты.... – прошипела Вася и выскочила из комнаты.

Просто злой рок какой-то. Она умудрялась собирать вокруг себя людей абсолютно не считающих с ее чувствами. Все равно, что ты чувствуешь...

Так думала ее мать, так говорил ее отец и, наверное, так считает ее муж, когда заигрывает на работе со своими студентками.

Стало трудно дышать. Глаза защипало от нахлынувших слез. Василиса сжала кулаки так, что ногти врезались в ладони. Боль физическая притупила боль душевную и дала время другой, не обидной мысли устроится в голове.

Ее незваный гость ни в чем не виноват, случайно задел больное место. Не стоило на нем срываться, он действительно всего лишь нежданный спутник в ее жизни. Завтра его здесь не будет. Сейчас же, ей стоит проявить к нему больше доброты, все-таки это она искалечила ему ногу, пусть он и самовлюбленный засранец.

Приведя себя в порядок, смахнув из глаз слезы, Василиса вернулась на кухню.

Конец марта отличился на редкость холодными ночами. Днем, особенно в ясную погоду солнце любезно прогревало воздух, прогоняя надоевшую зиму. Зато ночью, когда бестолковый месяц занимал на небе свое место, зима победно

возвращалась ледяным ветром, за полчаса опуская температуру на десять – пятнадцать градусов. Холод тут же начинал просачиваться в дом через щели в окнах и дверях. Василиса, чувствуя ледяные языки, тянущиеся из-под разошедшейся двери, поскорее добавила березовых чурок в печь. Поломав голову над тем, что приготовить на ужин, решила не мудрить и обойтись пельменями из морозильника.

Занимаясь домашними хлопотами, она старательно отводила взгляд от дивана с гостем. В маленьком пространстве это давалось нелегко, и поневоле она замечала его аккуратно сложенную одежду, силуэт тела под одеялом, брошенный на пол, рядом с диваном, костыль.

Из соседней комнаты приглушенно бормотал телевизор, и раздавшийся тихий стон девушка сначала приняла за начало рекламной вставки. Стон повторился, Василиса тревожно посмотрела на своего гостя. Кажется, он спал, и стон был вызван неловким движением, побеспокоившим раненую ногу.

Почти черные волосы прикрывали лоб. Тонкий прямой нос, четко очерченные губы. Старый шрам пересекал смуглую кожу на виске и терялся в волосах. Темная щетина пробивалась на волевом подбородке.

Василиса впервые смогла рассмотреть своего нового жильца, не боясь наткнуться на высокомерный взгляд. Во сне черты его лица смягчились, и он уже не казался ей безжалостным бандитом, если бы не его руки. Ухоженные ногти и вместе с тем, грубая кожа на костяшках пальцев и ладонях,

выдавала в нем совсем не интеллигентного человека. Как бы то ни было, до сих пор он не выставял напоказ свои дурные наклонности, возможно ей повезет, и она никогда не узнает о них.

Интересно, может он все-таки оценит ее заботу, и не будет настаивать на возмещении материального вреда? Василиса, работая в страховой компании, примерно представляла стоимость автомобиля в котором, благодаря ей, придется заново перетягивать кожей заднее сиденье. Как правило, клиенты на таких автомобилях были важными персонами, и их обслуживал персонально начальник отдела в своем личном кабинете.

Вот подшутила, так подшутила на свою беду, а ведь Марат даже не догадывается, что она нарочно отправила его к закрытой переправе. Он и не узнает, если она сама не проболтается, успокоила себя Вася.

Усталость, накопившаяся за день, давала о себе знать и девушка, еще раз подкинув дров в печь, отправилась спать.

Чувствуя себя неуютно от присутствия в доме чужого человека, пусть и раненого, она заперла за собой дверь в комнате и, на всякий случай, подперев ручку стулом, залезла под толстое стеганое одеяло.

– Такие вот дела. Тебе придется терпеть мое лечение... – громкий баритон Захарова прорвался сквозь сон. Вася распахнула глаза. Нехотя вылезла из-под теплого одеяла. Присутствие в доме гостей требовало появление хозяйки. Натянула уютный домашний халат, на ходу приглаживая непослушные длинные волосы, вышла из комнаты.

Посреди кухни маячил Михаил Петрович с непокрытой головой, в расстегнутой дохе. Марат, с мрачным видом, сидел на диване, придерживая костыль за перекладину. Мужчины одновременно обернулись на Василису.

– Доброе утро, – первым поздоровался доктор, пытаясь за улыбкой скрыть замешательство.

– Что случилось, Михаил Петрович? Отчего такие ранние визиты? – с трудом поборов зевок, поинтересовалась Василиса. Босые ноги неприятно холодил деревянный пол, за ночь печь почти остывала, и температура в доме к утру начинала падать. Захотелось залезть на диван, поджав под себя ноги, как обычно она и делала по утрам с кружкой горячего кофе. Но диван был занят Маратом и, судя по всему, холод в доме несколько его не смущал. Без рубашки, в одних джинсах, босой, он сидел, небрежно перекатывая в руке стеклянные ампулы.

Василиса протиснулась мимо Михаила Петровича к печ-

ке, быстро впихнув в топку последние три полешка, чиркнула спичкой, подожгла заготовленную бересту, отправив ее вслед за дровами.

– Я лекарство принес твоему постояльцу, – ответил Захаров.

– Зачем? – удивилась Вася, забираясь на стул. Сидеть на стуле с поджатыми ногами было не очень удобно, но все же лучше, чем стоять на полу. – Мой гость сегодня уезжает. Уверена, что в городе о нем позаботятся лучшие врачи.

– Давай-ка, лучше я схожу за дровами, а то в доме ни полешка не осталось, – неожиданно предложил Захаров. – А Марат тебе все объяснит.

– Та-а-к, дядя Миша, никуда вы не пойдете. Выкладывайте, что случилось! – потребовала Василиса.

– Что случилось, что случилось, – проворчал Михаил Петрович. – Беда у нас! Мост налевой обвалился! Так что никто никуда не уедет... Еще долго. Я антибиотики принес: два раза в день внутримышечно, дней пять. На всякий случай. Завтра утром приду опять, перевязку сделаю.

– Мне же в город надо. Через два дня на работу выходить... – растерянно проговорила Василиса, напрочь забыв про Марата. – Неужели ничего нельзя придумать?

Ее недельный отпуск подходил к концу, и внеплановый прогул грозил неприятностями. Головин может наказать ее, запросто лишив привилегии самой выбирать время для отпуска.

– Боюсь, что не попадешь ты через два дня на работу. Черных заявил, что не меньше недели пройдет, пока власти что-нибудь придумают. Мост же, только через год восстановят. Может быть... А, может, и нет... Нету средств, – развел Захаров руками. – Вот так. Все мы здесь оказались заперты, пока лед не сойдет.

– Пешком? – вдруг спросил Марат.

– Тебе запретить я не могу, но не советую, – мотнул головой Захаров. – Я бы даже сказал, настоятельно рекомендую этого не делать. Лед на реке очень опасный.

– Ну, раз нам отсюда не выбраться, не хотите ли, вы, уважаемые мужчины, решить вопрос о дальнейшем проживании Марата. Я – женщина замужняя и жить в одном доме с посторонним мужчиной мне, как вы понимаете, не следует, – громко заявила Василиса, не беспокоясь о впечатлении, которое произведет на своего временного жильца. Ничего, кроме чувства раздражения, она не испытывала.

– Куда я его поселю? – вновь развел руками Захаров. – В деревне одни старики, им самим помощь нужна. Да и кто захочет пускать к себе в дом чужого человека? В больничной палате он и вовсе околеет. А ты – девица молодая, сильная. Опять же, поможешь, если что. Вот и уколы ему поставишь.

– Как я понял, мобильники здесь не имеют смысла, ну а какая-нибудь другая связь с большой землей здесь присутствует? – перебил их спор Марат.

– В администрации телефон и на почте есть. У Черных

дома тоже стоит, — перечислил Захаров.

— Я здесь останусь, — Марат перевел взгляд на Василису. — Не переживай, мы подружмся, — ухмыльнулся он одними губами.

Василиса вернулась в комнату, с силой захлопнув за собой дверь.

Что может быть хуже, чем прерванное запланированное желание побыть в одиночестве? Вася не любила в своей жизни случайных людей, если бы ей хотелось общества, она бы поехала не в Крутояр, а в один из многочисленных отелей Краснодарского края с видом на море. Нервно пройдясь по комнате, она попыталась привести в порядок свои чувства.

Первым делом надо дозвониться до Никиты. Он ждет ее дома к завтрашнему вечеру. Дорога в объезд, до областного центра, где она жила, занимала полдня через Левую. Теперь же придется ждать, когда река вскрыется, и пустят паром через Правую, вместо ледовой переправы. На нем добраться до дома можно всего за полтора часа. Но при условии, что паром ходит... А он не ходит! Стоит себе скованный льдом, и дела ему нет до моих проблем, сердито подумала Вася.

Ее муж всегда не любил Крутояр, а теперь у него будет убедительный повод кичиться своей правотой, навсегда отказавшись от этих поездок.

Сам он был здесь только однажды, когда она осмелилась познакомить его с дедом. Встреча прошла напряженно, дед остался недоволен выбором Василисы, но, помня прошлые

ошибки в воспитании своих детей, недовольство свое к "бухгалтеру" притаил и вел себя приветливо. Но Никита презрение деда к своей не "мужской" профессии почувствовал и сюда больше не приезжал. Даже после смерти деда.

Он знал, что для Василисы это место является важным для душевного равновесия, и не сильно возражал, когда она отправлялась в деревню одна. А в последние полгода он не был против, и если она задерживалась допоздна на работе, и если ее встречи с подругами затягивались за полночь.

Пять дней назад, уезжая в Крутояр, ей показалось, что он с трудом скрывал ликование от предстоящей разлуки, и в смятении ловила себя на мысли, что ее ни чуть не обидела его радость, а пауза в их отношениях должна все расставить по своим местам.

Тогда, когда пять лет назад, успешный аспирант сделал ей, студентке – заочнице, предложение, она согласилась сразу. Потрясающий шанс уйти от родителей, подчеркнуть свою независимость. Ей казалось, что они любят друг друга, и формальные клятвы на их свадьбе она произносила от чистого сердца.

Никита к тому времени уже заканчивал аспирантуру. Он готовился стать преподавателем экономических дисциплин. Студенты обожали его за снисходительное отношение к прогулам, а студентки – за внимательные серые глаза. Василиса ухитрялась совмещать работу и пятый курс.

Но прошло время, надуманная любовь растаяла без сле-

да. Удобные друг для друга, они продолжали жить вместе, создавая видимость счастливой пары.

Несмотря на все сложности в их отношениях, Василиса не сомневалась, что Никита начнет волноваться, стоит ей не появиться на пороге их дома в положенный срок.

На работу тоже надо сообщить о задержке. Возможно, если у начальника будет хорошее настроение, он разрешит ей оформить дополнительный отпуск за свой счет, ну, а если нет, то летний отдых она увидит не скоро.

Успокоившись и переодевшись, Василиса вышла на кухню. Там заметно потеплело, жар от натопленной печки теплыми волнами растекался по помещению. Захаров уже ушел. Марат спокойно лежал, закинув руки за голову, безучастно рассматривая потолок. На столе блестела вскрытая ампула и использованный шприц.

– Вижу, тебе не требуется моя помощь в медицинских процедурах, – заметила Вася.

– С такими вещами я прекрасно справляюсь сам... Мне нужна чистая рубашка, и мне нужно добраться до телефона.

– Ты ведь куда-то спешил? Должно быть, ты очень занятой человек. Мне жаль, что у тебя сорвались планы, – нарочито вежливо сказала Вася.

– Не разочаровывай меня, – усмехнулся он. – Мне больше нравится твоя прямота. Тебе ведь плевать, что у меня нарушены все планы, на самом деле тебя волнует только то, как быстро я уберусь из твоего дома?

В ответ Василиса растянула губы в резиновой улыбке, признавая за ним правоту.

– Так в доме найдется какая-нибудь мужская одежда?

Через пару минут, перерыв огромный шкаф, она отыскала на верхней полке черный шерстяной свитер. Когда-то она подарила его своему деду, но не угадала с размером, оказался великоват. Везти в магазин обменивать было хлопотно, и свитер так и остался занимать место на полке, дожидаясь своего часа.

Марат без лишних слов натянул свитер через голову на голое тело, едва заметно передернулся от прикосновения колючей шерсти к голой коже, провел рукой по волосам.

– Поехали в ваш «дом советов», по телефону поболтаем. Ты за рулем.

– Поехали, – охотно согласилась Василиса, украдкой поглядывая на своего гостя. Черный свитер поразительно подходил ему и размером и цветом.

Едва они сели в машину, как Вася сморщила нос от неприятного запаха и поскорее опустила вниз стекло, давая свежему воздуху доступ в салон. В машине остро пахло кровью, на заднее сиденье было страшно смотреть.

– Вероятно, я должна возместить стоимость обивки, – неуверенно предложила Василиса, аккуратно преодолевая деревенские колдобины. – Моя помощь тебе дорого обошлась.

– Гораздо дороже обойдется мое отсутствие в нужном ме-

сте в заданное время, к тому же не думаю, что перетяжка кожи на сиденье поможет... Здесь нужно менять все сиденье.

– Это будет очень недешево, – расстроилась девушка, она совсем на это не рассчитывала. – Мне придется взять кредит, чтобы оплатить замену.

– Ты это серьезно? И ты не начнешь вопить, что я сам виноват, и ты всего лишь мне помогала, опять же, по моей просьбе?

– Это был несчастный случай. Он произошел по причине моей невнимательности. И если бы не это ранение, ты бы успел убраться из деревни до того, как рухнул мост.

– Глупо, – Марат насмешливо подвел итог. – Я не собирался требовать у тебя деньги. Но раз ты настаиваешь на честности – плати. А на будущее запомни: правда нужна только тогда, когда она на твоей стороне, иначе она может стать тебе не по карману.

– Сам ты живешь по такому принципу? – поинтересовалась Вася, едва сдерживая злость на саму себя. Зачем она влезла со своим предложением?

– Я живу так, как мне удобно в данный момент. Принципы – это всего лишь вешки в человеческой морали, от которых люди бояться отойти, чтобы не пришлось делать трудный выбор, когда это действительно необходимо.

– А ты, значит, живешь без вешек...

– Да, и весьма неплохо, – ответил он, с интересом наблюдая, как Василиса хмурит брови, пытаясь скрыть свое раз-

дражение.

Оставив машину на площади перед сельским зданием администрации, у основательных бетонных ступеней, они вошли в здание. Когда-то коричневые, а теперь вытертые множеством шагов, доски пола под ногами нещадно скрипели.

Из большого квадратного холла, с окном на противоположной стороне, направо и налево вели неширокие проходы. Василиса уверенно повернула направо. Марат с трудом поспевал за ней, стараясь не задеть костылем разномастные кресла для посетителей.

Они миновали дверь с логотипом почты России, запертую на большой навесной замок, прошли мимо двери с табличкой «Бухгалтерия». Нужный им кабинет председателя расположился в самом конце прохода под выцветшей вывеской: «Приемная председателя Черных Р.С.»

Василиса громко постучала в дверь, не дожидаясь ответа, шагнула внутрь.

– Здравствуйте. Я – позвонить.

– Проходи, проходи. Третьей будешь, – отозвался Захаров.

Он удобно устроился в кресле за, ныне пустующим, столом секретарши. В приемной, кроме него, оказались еще двое мужчин в одинаковых телогрейках неопределенного серо-бурого цвета. Они скромно сидели на краю новенького дивана, теребя в руках свои шапки с потертым мехом.

Марат, зайдя вслед за Васей, обвел внимательным взгля-

дом всех присутствующих, присел на край пустого стола, давая отдых раненной ноге.

Из приоткрытой двери смежной комнаты с табличкой: "Председатель Черных Роман Сергеевич", доносился неразборчивый приглушенный голос.

– Тебе лежать надо, а не шастать по деревне, – проворчал Захаров, вместо приветствия, увидев Марата.

– Мы не пешком.

– Это и так понятно, с твоей ногой тебе пешком только от дивана до нужника сил хватит, – хохотнул Захаров.

– Какие новости? – поинтересовалась Вася, сделав вид, что не заметила шутку доктора. – Мост совсем развалился или можно человеку по краешку на другую сторону перебраться?

– Совсем, даже не сомневаться, – вступил в разговор Черных, выйдя из своего кабинета. Лет пятидесяти, крепкий, коренастый мужчина. Глаза строго блестели из-под густых черных бровей. Короткая борода с проседью добавляла к возрасту пару лет. Он взглядом показал одному из местных, сидевших на диване, что доступ к телефону свободен. Тот вскочил и быстро юркнул в кабинет, прикрыв за собой дверь.

– Ваня вчера вечером улов повез сдавать, да не довез. Мост на его глазах подломился – льдина подперла старые опоры, – продолжил Черных.

– Что ж с рыбой-то теперь делать, а Сергеич? – второй мужик с дивана с надеждой смотрел на председателя. – Куда

ее девать-то?

— М-да, жалко будет, если пропадет, — задумчиво протянул Черных. — Закоптить? Копченая-то она дольше храниться, да и примут дороже.

— И точно, — встрепнулся Иван, и тут же потух. — Только у меня ящик для копчения маленький, я и за месяц эту кучу не переработаю. Мне б, как у Васькиного деда, бочку-коп-тильню.

Черных вопросительно посмотрел на Василису.

— Да берите на здоровье, — тут же махнула она рукой. — В сарае стоит, ржавеет.

— Отлично, — удовлетворенно заключил Роман Сергеевич, потирая ладони. — Я, как освобожусь, так мы с Иваном подыдем вечерком.

Телефонный разговор с Головиным лишь подтвердил предположения Василисы. Он орал в трубку не выбирая выражений и дал не более трех дней. Если в положенный срок она не явиться на свое рабочее место, то не видать ей летнего отпуска и мало того, он мигом вернет ее в простые агенты. А деньги нужны как никогда. За какие грехи ей встретился этот Марат?

Выйдя из кабинета после телефонного разговора, Вася со злостью взглянула на Марата и тут же отвела взгляд, наткнувшись на его циничную ухмылку. Она не стала дожидаться его в приемной, вышла на улицу, подставив лицо под весеннее солнце, которое невесомыми лучами ласково гре-

ло кожу. Василиса даже прикрыла глаза от удовольствия, на несколько секунд забыв о неприятностях.

– Принимаешь солнечные ванны?

Ну вот, неприятность снова рядом, вздохнула Вася, заставляя себя сесть за руль.

Марат тяжело залез на пассажирское сиденье. Несмотря на прохладный воздух, у него на висках выступили капельки пота.

– Неважно выглядишь, – озабоченно произнесла Вася. – Больше я тебя никуда не повезу, будешь лежать, как велено доктором.

– Мне приятно, что ты обо мне заботишься, но со мной все в порядке, – отозвался Марат, – немного не рассчитал свои силы.

– И все же не забывай, что квалифицированная помощь далеко.

– Об этом не возможно забыть, – проговорил он, разглядывая в окно проползающие мимо покосившиеся дощатые заборы и дряхлые деревянные дома, иногда прикрытые разлапистыми придворными елями.

– Насколько все у тебя плохо из-за вынужденной задержки здесь? – сменил Марат тему.

– С чего ты взял?

– После телефонного разговора у тебя был взгляд серийного убийцы. Я даже немного испугался. – Он смешно передернул плечами. – Плохие известия с работы или ссора с

любимым супругом?

– Зачем тебе мои заботы? – ответила Вася. Ей не хотелось признаваться, что любимый супруг не проявил ни капли беспокойства, и весело пожелал ей не скучать. Предварительно ей пришлось выслушать короткий монолог на тему: я всегда знал, что добром эти поездки не кончатся.

– А, я поняла! Хочешь узнать, не выгнали ли меня с работы и смогу ли я оплатить ремонт? – не удержалась она от ехидства.

– Людям свойственно делиться проблемами, обычно для этого существуют друзья, – ответил он, пожимая плечами. – Думаю, твоих друзей здесь нет. Ну, а я готов на время стать жилеткой для красивой девушки и выслушать, какой паршивый у тебя начальник или как ты скучаешь по мужу. Нам не меньше недели жить в одном доме. Обоим будет легче, если мы станем приятелями.

– Уже не случайными попутчиками, а приятелями? Быстро же ты меняешь взгляды на вещи, – усмехнулась Василиса. – Как только мы доберемся до города, ты и имя мое забудешь, слишком разные у нас дороги.

– Не забуду. Ты оставила на моей ноге несмываемый автограф.

– Прости, – буркнула Вася.

– Хорошо, – легко согласился Марат.

– Может быть, ты простишь мне и испорченные сиденья? – осмелела она.

– Попроси, может быть и прощу.

– А, ясно, первое апреля – твой любимый день приколов, – протянула Вася, не поверив в его великодушие, замолчала, крепче сжимая руль. Марат не стал возражать, а только неопределенно хмыкнул себе под нос.

К дому подъехали в полном молчании. Марат с трудом, цепляясь за перила, взобрался на крыльцо. Дойдя до дивана, он рухнул на него, не раздеваясь.

– Пожалуй, мне стоит вернуться за Михаилом Петровичем? – предложила Василиса. – Мне не нравится, как ты выглядишь.

– Не надо никого. Устал немного. Большая кровопотеря не проходит бесследно, – не открывая глаз, проговорил Марат. – Сделай мне чай. Пожалуйста.

Как же ему, наверное, плохо. Неожиданно для себя Василиса прониклась уважением к этому мужчине. Он ни разу не пожаловался, ни разу не упрекнул в сложившейся ситуации. Без презрения терпит деревенский быт. Без паники признал нереальность любого способа покинуть деревню.

Другой бы на его месте выл белугой, требуя вызвать спасательную команду МЧС. Может не такой он и высокомерный, как подумала она, увидев его впервые? Только взгляд у него очень тяжелый. Вася каждый раз чувствовала себя неуютно, когда понимала, что он смотрит на нее.

Девушка поставила чайник, подошла к Марату. Сейчас он не выглядел тем внушительным бандитом, которого она

встретила на озере. Инстинкт заботиться о слабом, присущий почти всем женщинам, взял вверх, и она, забыв о его хамстве, склонилась над ним. Сняла с него ботинки. Потом осторожно взялась за рукав дубленки. Марат, не открывая глаз, приподнял плечо, облегчая ей задачу. Колючий свитер хорошо тянулся, стащить его не составило труда.

Она случайно притронулась к его обнаженной кожи на груди, и тут же смутившись, отдернула руку. "Да ведь он горячий!" – мысль молнией пронеслась в голове. Вася медленно, раскрытой ладонью, провела по его плечу, чувствуя под рукой каменные мышцы. Смуглая кожа обожгла ее ладонь.

– Можешь приставать ко мне сколько угодно – я не против, – Марат, заразительно улыбаясь, смотрел на нее в упор. В глубине черных глаз искрилось веселье.

– Дурак, – не удержалась и улыбнулась в ответ Василиса. – Похоже, у тебя поднялась температура.

– Ну, так проверь это губами, – вдруг тихо проговорил он, перестав улыбаться. – Рукам в таком деле доверять нельзя.

Вася, затаив дыхание, как замороженная, рукой откинула челку с его лба и прикоснулась к нему губами.

– У тебя нет высокой температуры, мне показалось, – быстро пробормотала она, отодвигаясь и злясь на себя за то, что не смогла справиться со своим сочувствием.

Внезапно Марат перехватил ее руки.

– У тебя ледяные руки, – произнес он, сжав сильными, будто стальными, пальцами ее запястья.

– Отпусти, – выдавила Васа, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Марат нехотя, не до конца ослабил хватку, и ей пришлось приложить усилие, чтобы освободиться.

Она тут же отошла на безопасное расстояние.

– Меня не называли дураком с детского сада, – к Марату вернулась мальчишеская улыбка.

– Видно, «дурак», слишком мягкое слово для тебя. Про себя я называю тебя по-другому, – затараторила девушка, только бы не возвращаться мыслями к тому, что произошло минуту назад. Ей совсем не понравилась, как легко она поддалась на его уловку.

– Скажешь?

– Нет, – с коротким смешком произнесла она. – Мне еще жить с тобой под одной крышей.

– Что ты вообще делаешь в этой деревне?– неожиданно спросил Марат. – Неужели нет лучших способов провести свой отпуск? Например, уехать с мужем в путешествие?

Немного растерявшись от вопроса, Василиса суетливо принялась накрывать на стол, оттягивая ответ. Как признать-ся в том, что муж потерял интерес к своей жене?

– Здесь я проводила все свои каникулы. С самого раннего детства. Это мое место. А Никите здесь нечем заняться. Поэтому мы договорились, что сюда я езжу одна.

– Твой муж – тупица. Такую красивую жену нельзя ни на миг оставлять одну, – добродушно усмехнувшись, заявил

Марат. Василиса улыбнулась.

– Здесь нет ни одного приличного мужчины. Так что он вовсе не идиот. Просто к природным красотам он равнодушен. У него совсем другие интересы.

– Не хочешь говорить правду – не говори. Оставим мужа в покое, – Марат с легкостью догадался о ее нежелании объясняться. – Расскажи мне о своей работе.

– Я работаю в страховой компании «ЦентрРосСтрах». Заместитель начальника отдела по страхованию недвижимости. Собираю статистику по общему залу, чтобы сделать красивый отчет и отдать начальнику.

Марат поперхнулся чаем. Закашлялся. Вася мягко улыбнулась и протянула ему салфетку.

– Не удивляйся, на самом деле я старше, чем выгляжу. И занимаю эту должность, потому что хороший работник, а не потому, что сплю с начальством. Хотя сейчас я не вполне уверена, что когда появлюсь на работе, то все еще буду заместителем, – немного грустно заключила она.

За окном показалась чья-то тень и через пару секунд дверь задрожала от громкого стука.

– Вася, это мы! – во все горло объявил Черных за дверью. – Пришли за копильней.

Василиса приоткрыла дверь.

– Она в сарае, сами справитесь?

В проеме мелькнула спина председателя, дверь захлопнулась, отсекая поток холодного воздуха. Василиса поежилась,

вернулась за стол и обхватила ладонями кружку с горячим напитком.

– Ну а ты, что-нибудь расскажешь о себе? – обратилась она к Марату.

– Что хочешь узнать? – лениво откликнулся он.

– Откуда у тебя шрам? – осмелилась она. – Захаров упомянул, что ты служил в армии. Ты был ранен?

– Служил, но этот шрам я заработал не в бою. Однако армия в этом замешана, – усмехнулся Марат и непроизвольно потер шрам на виске. – После боя следы на теле остаются редко. Цель современного оружия – убить, как можно быстрее, а не украшать мужчину шрамами. Если ты подставился под пулю, то, скорее всего, твои отметины будут разглядывать санитары в морге, а не девушка в постели.

– Почему ты ушел из армии?

– В последнее время мне все чаще приходилось выполнять приказы вступающие в противоречия с моим инстинктом самосохранения. В какой-то момент я задумался, и понял, что не хочу посмертно становиться героем.

– Так ты скажешь, откуда у тебя эта отметина?

– Однажды ночью я возвращался от одной красивой девушки. Надвигалась гроза, видимость была нулевая. Я врезался в машину.

– При чем здесь твоя служба? – подозрительно спросила Вася.

– Я врезался в боевую машину пехоты, – без тени улыбки

ответил Марат.

– Очень смешно, – так же серьезно произнесла Вася. – Армейский юмор, я полагаю?

Василиса ничуть не удивилась ответу, а точнее его отсутствию, ожидать от своего гостя откровенности было бы глупо. Недобрый случай свел их на короткое время, а такие, как Марат, не выворачивают душу перед первым встречным. Богатый, беспринципный, бесчувственный осел. Хотя, если быть честной, то он больше походил на матерого хищника. Господи, она же чуть было не стала с ним целоваться! Ее опять передернуло. На всякий случай стоит держаться от него подальше.

Крыльцо глухо прогремело под мужскими сапогами. В дом, без стука, ввалился председатель с хмурым лицом. На одежде он принес запах древесины и пота. Переминаясь с ноги на ногу, Черных медленно произнес:

– У тебя развалилась поленница. Поленья перекрыли проход к бочке.

– Как это могло случиться? – воскликнула Василиса. – Все целы?

– Она обрушилась не сейчас, – мрачно продолжил Черных, стараясь не смотреть на девушку. – Нам пришлось поработать, расчищая путь. Ваня нашел шапку.

– Шапку? – переспросила Вася. – Какую шапку? Я ничего не теряла.

– Это не женская шапка, мужская.

– Откуда ей там было взяться?

– Думаю, она слетела с головы Славика... Когда на него упала поленница... – закончил свой рассказ председатель.

– Славика? Господи, где он? Он сильно пострадал? Ему нужна помощь? – Василиса вскочила на ноги.

– Ему уже не нужна помощь, – ответил на все ее вопросы разом Черных. – Он мертв.

Отшатнувшись назад, Василиса опустилась на стул, закрыв лицо руками.

Председатель, как был в обуви, так и прошел через всю кухню, присел рядом. Только негромкий треск от сырых поленьев, тлеющих в печке, нарушал гнетущую тишину.

– Ваня побежал за Петровичем, – разорвал тишину председатель.

– Зачем мертвому доктор?

– Петрович – официальное лицо. Смерть нужно зафиксировать по правилам, – проговорил Роман Сергеевич. – Участковый не скоро сможет добраться до нас.

– Вы его вытащили?

– Нет еще. Сейчас мужики подойдут, помогут. – Черных тяжело встал, направился к выходу. – И это... Ты сама не ходи пока туда... Дров мы тебе принесем, оставим на крыльце.

Черных ушел. Вася с минуту просидела истуканом на стуле, потом бросилась к выходу.

– Куда собралась? – резко окликнул ее Марат.

– Я должна это увидеть, – ответила Вася, нервно пытаясь

застегнуть куртку. Руки дрожали. Молния никак не желала правильно сходиться.

– Председатель тебе дал верный совет. Не стоит на это смотреть.

– Почему? Я покойников видела. Деда схоронила.

– Таких – не видела. Если человека раздавило в лепешку, думаешь, он будет выглядеть, как твой дед после примерной в гробу? – спросил Марат и сам же ответил, – У этого трупа из треснутого черепа будет вываливаться розовато-белесый мозг, а тело будет плоским как блин, и таким же широким, за счет вылезших внутренностей из порванной кожи. А еще у него будут ...

– Хватит! Замолчи! – закричала Василиса и почувствовала, как мир стремительно сужается в маленькую черную точку и она куда-то проваливается...

– Твою ж мать... – только и произнести Марат, чудом успев подхватить потерявшую сознание девушку до того, как ее голова встретиться с половицами.

Очнулась она от ласковых прикосновений к щеке. В ушах до сих пор стоял звон. С трудом разлепила веки. Я дома, сквозь туман подумала Василиса. Щеке было щекотно от нежных поглаживаний. Марат. Ну и пусть. Она снова сомкнула ресницы. До чего же приятно. Его рука спустилась к ее шее. Если бы она была кошкой, то замурлыкала бы от удовольствия. Он провел пальцем по ее губам, и тут она почувствовала его горячее дыхание.

– Не надо, – прошептала она и посмотрела на него. Таких глаз она еще не видела. Абсолютно черные, прикрытые густой сенью ресниц, они горели черным пламенем. Он не стал ее слушать, а закрыл ей рот поцелуем. Ее губы, помимо воли, ответили на поцелуй. Их языки встретились, тогда он зубами легко прикусил ее за губу и тут же отпустил. Разочарование от прерванного поцелуя было столь велико, что она, забыв все обещания, данные себе, непроизвольно потянулась к нему.

– Ну вот, теперь ты пришла в себя, – насмешливо заключил Марат.

– Да как ты смеешь! – мгновенно разозлившись, прошипела Василиса.

– Я наговорил тебе лишнего, забыл, как ты любишь падать в обморок от чужой человеческой боли. Теперь же, твою чудную головку займут более приятные мысли и тебе некогда будет вспоминать о мертвом Славике, – Марат на несколько секунд прикрыл ресницами глаза, туша горящий в них черный огонь.

– И ты не нашел ничего лучше, как воспользоваться моим состоянием! – продолжала рассержено шипеть она, сжимая ладони и едва сдерживаясь, чтобы не залепить ему пощечину. Гнев переполнял ее голову, и она, поддавшись эмоциям, сама не могла определить, что ее так разозлило, то, что он воспользовался ее беспомощным состоянием или то, что он очень быстро прекратил этим пользоваться.

– Мне показалось, что ты не очень-то была против, – приподнял бровь Марат.

– Я была без сознания, идиот!

– Может нам стоит повторить? Когда ты в обмороке, ты очень красивая и не пытаешься меня оскорбить, – задумчиво протянул он. – У раздавленного человека глазные яблоки ...

– Заткнись, чертов придурок! – прокричала Василиса, заткнув уши руками, выбежала из комнаты.

Только поздним вечером, когда не осталось сил терпеть голодное урчание в пустом желудке, Вася осмелилась выйти из добровольного заточения.

Предварительно она долго прислушивалась к звукам, доносившимся из кухни и, лишь дождавшись долгой тишины, открыла дверь.

Марат спал, а может, делал вид, что спал, отвернувшись от всего. В печке прогорала новая порция дров. Стараясь не греметь посудой, она перекусила, настороженно поглядывая на Марата, молясь всем богам, чтобы он не проснулся.

Как бы то ни было, и какую бы цель он не преследовал, целуя ее, ему удалось отвлечь ее от образа мертвого человека в сарае. Каждый раз, когда она вспоминала о случившейся трагедии, мысли невольно перескакивали на Марата. Она и не догадывалась, что от одного лишь поцелуя может так

сладко тянуть внизу живота...

Утро следующего дня порадовало безоблачным, ярко-синим небом. Солнечные лучи просачивались сквозь неплотно задернутые шторы и заканчивали свой путь на подушке Василисы. Она, жмуря глаза, посмотрела на старинные часы, что висели на стене перед кроватью. Восемь утра. Рано. Хотелось еще спать. Всю ночь она спала урывками, ворочаясь в постели, сбивая в комок простыни.

Славик мертв. Кажется, вчера никто не заметил ее торжества. Плохо только, что это случилось у нее во дворе.

За дверью раздались мужские голоса. Василиса недовольно вздохнула. Ее дом, где она считала себя полновластной хозяйкой, превратился в проходной двор. Насколько быстро посторонние люди привыкли считать себя вправе распоряжаться ее имуществом. Никому нет дела, желает ли она видеть гостей в своем доме или нет. Безусловно, что это Захаров пришел сделать перевязку ее незваному постояльцу. Наблюдать эту процедуру не хотелось.

– Василиса, просыпайся. Чаем гостей угости, – через двери прокричал Михаил Петрович.

Василиса, на лицо натянув улыбку, а на тело потертые джинсы с рубашкой, вышла к гостям. Накрывать на стол, не встречаясь взглядом с черными глазами, было трудно. Он будто нарочно не сводил с нее взгляда.

– Я как проснулся, к вам побежал. Моя благоверная с утра не в духе. Домой сегодня лучше не соваться, – бормотал Захаров, запивая горячим чаем бутерброды с сыром.

Всей деревне было известно, о чем идет речь. Жена Захарова, Анна Павловна страдала мигренями. Эта недеревенская болезнь порой делала жизнь Михаила Петровича невыносимой.

Городская жительница, Анна Павловна полжизни промучившись головными болями, однажды надумала, по совету невролога, сменить обстановку. Захаров предложил Крутояр. И проведя здесь лето, она неожиданно для мужа, да и для себя захотела остаться здесь на всю жизнь. Захаров порыв жены поддержал, благо свободных домов было достаточно.

В деревне новым жильцам были рады всегда. К тому же Захаров оказался врачом, и быстро завоевал уважение всех жителей. И вот уже лет десять чета Захаровых является полноправными деревенскими жителями. Мигрени у Анны Павловны не прекратились, но то ли благодаря чистому воздуху, то ли размеренному деревенскому укладу, стали менее болезненными и более редкими.

– Что со Славиком? Когда хоронить будем? – поинтересовалась Вася.

– Быстрая какая, – хмыкнул Захаров. – В первую очередь надо выяснить причину его смерти.

– Так ясно же все.

– Все, да не все. Может, его застрелили, а тело спрятать

хотели, – предположил Захаров.

– У меня в сарае? – удивилась Вася.

– В том-то все и дело, что он делал в твоём сарае?

– Не знаю, – опешила девушка. – Должно быть, взять что-то хотел. Он передо мной не отчитывался. Я не запрещала ему пользоваться всем, что есть на дворе. Мне это не надо, а ему могло пригодиться. Правда, в последнее время он не заглядывал...

– Ну да ладно, это забота Черных, – отмахнулся Захаров и посмотрел на молчавшего все утро Марата. – Как твоя нога?

– Хорошо. Думаю, обошлось без инфекций.

– Ну что ж, давай посмотрим.

Марат перебрался от стола на диван, стянул потрепанные джинсы. Михаил Петрович жестом фокусника достал из кармана медицинские перчатки, срезал повязку с ноги Марата, добрался до раны. Не церемонясь, принялся ощупывать оттек образовавшийся вокруг швов. Марат, сжав зубы, уставился в потолок, терпеливо снося процедуру.

– Ну, пока все нормально. Оттек в разумных пределах. Нагноения не вижу.

Захаров достал из сумки новую упаковку бинтов, умело наложил свежую повязку.

– Больница Крутояра будет очень рада, если вы решите совершить благородный поступок и, как только появится возможность, внести посильный вклад в фонд больницы. Не обязательно деньгами, можно в виде натур, – продеклари-

ровал он.

– Зря стараетесь, Михаил Петрович, – усмехнулась Вася. – Благородные поступки свойственно совершать людям благородным.

– О, смотрю, вы уже подружились, – весело проговорил доктор и серьезно продолжил, – Но, ты ошибаешься Вася, хорошие дела очищают душу. Иногда любому человеку необходимо осуществить чистое, бескорыстное деяние, чтобы он смог жить дальше. Иначе душа его задохнется под гнетом той налипшей грязи, что окружает каждого из нас, – доктор вздохнул, провел рукой по лицу. – Завтра утром я забегу. А сейчас мне пора идти выполнять свою не столь приятную обязанность, как возвращать к полноценной жизни живых людей, а как единственный врач на ближайшие сто километров, я обязан заполнить заключение о смерти.

– Можно обойтись без подробностей? – через плечо жалобно попросила Василиса, весь процесс перевязывания она старательно мыла грязную посуду после завтрака, повернувшись к мужчинам спиной.

Захаров ушел. Оставаться наедине с Маратом Василиса не могла. Ей было мучительно неловко и тягостно и находиться с ним рядом. Хотя он за все утро не сказал ей ни слова, в воздухе застыло напряжение. На озеро идти не хотелось, да и поздновато было начинать утреннюю рыбалку. Уйду к бабе Наде, соседке, решила Василиса.

Калитка соседнего дома была не заперта, и Василиса бес-

препятственно поднялась на невысокое крыльцо с растрескавшимися балясинами.

Баба Надя чесала шерсть. Щетки с тихим шорохом терлись друг о друга в ловких руках Надежды Алексеевны. Она для всей деревни вязала теплые носки, ажурные платки и тугие шерстяные пояса на поясицу из шерсти деревенских коз. Путь превращения от вычесанных колтунов до мягкого и теплого изделия занимал уйму времени и сил. И Надежна Алексеевна всегда была рада компании. Если не помочь делом, так развлечь пожилую женщину болтовней, сможет любой.

Василиса уютно устроилась в старом кресле под самотканым пестрым покрывалом, как впрочем, и все в этом доме. Деревянные полы были застелены полосатыми плетеными дорожками так плотно, что только у порога просматривалась полоска коричневой краски на досках пола. Баба Надя сидела на таком же кресле, расставив вокруг себя несколько небольших мешков из ткани до верху забитых шерстью.

Шерсть в них различалась по цвету, от чисто белой до черной. Был здесь и мешок с рыжей шерстью. Ее баба Надя начесывала с рыжей козы Катьки, единственной козы принадлежавшей ей.

Катька легко преодолевала любые преграды в виде соседских заборов, лишь бы добраться до опавших по августу яблок. Яблоки она любила больше всего. Летом же, когда яблоки еще крепко держались за ветки, коза, перемахнув через

забор, с удовольствием хрустела кислыми, недозрелыми яблоками прямо с веток. Соседи бабы Нади тихонько ворчали, подпирали шестами тяжелые ветки, но жаловаться на козу не ходили. Рыжие носки были почти в каждом доме Крутояра.

Телевизор на комодe негромко бурчал очередную передачу о том, как сделать наше здоровье непобедимым для вирусов с помощью каких-то, неизвестных большинству российских жителей, заморских фруктов. Кошка бабы Нади, Мурзилка, по-хозяйски запрыгнула на колени к Василисе и, потоптавшись на ней, улеглась пушистым полосатым валиком.

– Ты одна из Волковых в Крутояре осталась, – баба Надя горько вздохнула. – Вот ведь, как оно повернулось. А какие планы у твоего деда были...

– Я уже давно не Волкова, баб Надя. Я – Карпова. Да и не живу я здесь.

– Разве в фамилии дело? Дело в крови. В характере.

Ну да, в характере. Стальной характер деда испытал на себе каждый, кто хоть раз с ним имел дело. Дед свой жесткий нрав и привычку командовать передал своему сыну Андрею, Василисиному отцу. Когда тот, после армии решил переехать жить в город, дед отказывался разговаривать со своим сыном несколько лет. И Андрей, нисколько деду в упрямстве не уступил, заявив, что больше шагу его не будет в Крутояре.

Слово он свое сдержал, приехал только на похороны деда, и не остался здесь ни на минуту дольше, чем это было необ-

ходимо.

Если бы, в свое время, мама Василисы, которая однажды рассудила, что девочке летом будет лучше в деревне, чем в душном городе, и не привезла ее знакомиться к деду, то Василиса никогда не познала бы восхитительного чувства, которое охватывает человека, мчащегося по просторам верхом на горячем коне.

Вася, тогда еще трехлетняя кроха в коротком платьице, взглянув впервые на лошадей, в восторге от увиденного, вцепилась намертво в перекладину загона, и не отпускала ее, пока ей не сунули в руки яблоко и не разрешили покормить коня. Вася бесстрашно протянула яблоко коню под нос, и не успели все оглянуться, как она пролезла между досками и очутилась в периметре. Не теряя времени, она принялась очищать ноги, огромной по сравнению с ней лошади, от налипших колючек репейника. Дед, суровый, жесткий мужик, растаял словно сахар. Помирился с сыном и с невесткой. И с нетерпением ждал, когда Васю в очередной раз привезут погостить.

Ну, а после рождения ее младшего брата, Коленьки, ее и вовсе привозили к деду на все лето, а зимой на каникулы, дабы не мешала она своей живостью сну чудесного мальчика. Когда Коленька стал постарше, ее любовь к деревне и к дедовским лошадям была только на руку родителям. Это позволяло им отдыхать в Крыму почти все лето. Василису отсылали в Крутояр, а родители по очереди брали отпуск и

проводили его с Коленькой на море.

Василиса не обижалась на эту, казалось бы, несправедливость. Лет в десять, она, наслушавшись про пляжный отдых, в жаркий летний день отправилась на деревенский пляж. Иногда окунаясь в прохладную воду, она добросовестно пролежала на куцем полотенце с утра до позднего вечера, подставляя по очереди палящему солнцу то спину то живот. К вечеру, не считая смертельной скуки, голова у нее болела, как треснувшая тыква, кожа на плечах горела огнем, а живот сводило от голода. Представив, что в Крыму людям приходилось так «мучаться» каждый день на протяжении нескольких месяцев, Василиса на всю жизнь сделала себе «прививку» от отдыха на "Югах", как любила выражаться ее мама.

Василиса росла, пошел и Коленька. В шесть лет его отдали в музыкальную школу. Вот тут и начались для Василисы черные дни. Отец, работая дальнобойщиком, пропадал в рейсах, мама работала с восьми до шести, и обязанности присмотра за братом пришлось взять на себя старшей сестре.

Первый год Коленьку водили в музыкальную школу по соседству, по классу скрипки. Много времени это не занимало, но педагоги рассмотрели в нем талант, и родители решили, что это шанс вырастить из ребенка гения. Коленьку стали возить к лучшим педагогам города. Все деньги уходили на оплату частных уроков. О скрипке, сделанной на заводе советских музыкальных инструментов, и речи быть не могло. Инструмент для Коленьки заказывали в Европе.

Родители трудились, не покладая рук. Отец все реже появлялся дома, а мама была вынуждена задерживаться в офисе, взвалив на себя дополнительную работу – сводить дебет с кредитом для частных фирм, не имеющих в штате собственного бухгалтера. Василиса же была призвана заботиться о брате, таскать за ним скрипку в поездках по частным педагогам, готовить обеды, помогать делать брату уроки.

Безоговорочно доверяя своим родителям, она и подумать не могла, что в других семьях бывает по-другому. Тем более, что в гости к подругам ходить было некогда. Свои домашние задания Вася ухитрялась делать на ходу, «на коленке», ожидая брата с занятий по специальности.

Школьные знания давались ей легко, тем сильнее она удивлялась избирательности Коленькой памяти. Который, зная наизусть музыкальные произведения нешуточной сложности и длительности, к четвертому классу с трудом мог пересказать таблицу умножения.

Перебиваясь в обычной школе с троек на четверки, а иногда и хватая двойки, в музыкальной школе он поражал всех своим талантом: с непринужденной легкостью играя произведения, которые предназначались для детей гораздо старше его. Родители закрывали глаза на плохие отметки, и вскоре в семье стало нормой, что Василиса не просто помогает ему делать уроки, а делает уроки за него. Ему оставалось только переписать все в тетрадь.

Дед талан младшего внука признал, одобрил, но к себе не

приблизил, по прежнему ожидая на каникулы только Василису.

Так прошли ее школьные годы. Надвигался одиннадцатый класс и Единый государственный экзамен.

Коленька делал успехи, он все чаще занимал почетные места на различных конкурсах. Несколько раз его приглашали в Москву, как юное дарование. А любое выступление требует финансовых затрат. Костюмы, гостиницы, транспортные расходы. Денег в семье катастрофически не хватало.

Василиса рано поняла, как сложно порой бывает зарабатывать деньги, и в ее умной головке начала зреть закономерная мысль, что ее ждет после окончания школы? Как бы ни любила она лошадей и Крутояр, связывать свою жизнь с ними она не хотела. Большой город диктовал свои условия. Одноклассники бегали по репетиторам, готовясь к экзамену. Она же продолжала готовить дома борщи и заниматься братом. Не смотря ни на что, Вася любила своего брата, им волей-неволей приходилось много времени проводить вместе, и она искренне радовалась его успехам.

В преддверии окончания школы Вася долго собиралась с духом для разговора с родителями, выбирала время, раздумывала с чего начать. Однажды вечером, после ужина, она осторожно завела разговор.

– Коля, наверняка, после окончания школы поступит в колледж искусств, а там и в консерваторию.

– Да, думаю, так оно и будет, – подтвердил отец.

– Так бывает редко, когда с самого детства знаешь, кем ты станешь.

– Угу.

– Порой, выбор будущей профессии очень сложная штука. Вчера в школе представители институтов города проводили презентации. Знакомили нас со спецификой различных профессий.

– Угу, – равнодушно пробурчал отец, не отрывая взгляда от телевизора.

– Я бы хотела учиться в одном из них. Например, институт ТЭГИ не предъявляет завышенных требований к своим абитуриентам.

– Разве сейчас не требуется успешно сдать ЕГЭ для поступления в Высшее учебное заведение? Я слышала, что этот ужасный экзамен никто не может сдать на «отлично», – вмешалась в разговор мама.

– Многие нанимают репетиторов, – сказала Вася.

– У нас нет денег на репетиторов, ты должна это понимать, – резко ответил папа.

– Но я не прошу денег. Я могу сама попробовать подготовиться. Девочки из класса согласились давать мне списывать лекции, которые они получают на подготовительных лекциях при институте ТЭГИ. Просто мне нужно чуть больше времени.

– О каком времени ты говоришь? – поинтересовался отец.

– Коля уже большой. Я подумала, что он сам в состоянии

ездить на уроки по специальности, без моего сопровождения. Тогда у меня бы появилось несколько свободных часов для подготовки к экзаменам.

– Никого не интересует, что ты думаешь! – довольно грубо обрубил отец. – Он еще мал, чтобы толкаться одному по маршруткам.

– Папа, но я в его возрасте возила его к репетиторам через весь город, и все было хорошо. Вы же не боялись доверять его мне в тринадцать лет? – возмутилась Василиса.

– Васенька, милая, ты не понимаешь. У нашего Коленьки талант. Талантливые люди такие рассеянные. Он может заблудиться в городе, перепутать маршруты, – попыталась объяснить мама.

– Мама, ну а я? Я как буду жить? Коля вырастет, выучится, у него будет профессия и любимое дело, а что будет у меня? Если я поступлю, я тоже получу профессию, смогу найти достойную работу, помогать вам.

– Не говори ерунды, – сказал отец. – Зачем тебе учиться в институте? Все равно через пару лет ты выскочишь замуж и осядешь дома с детьми. Я считаю, что после окончания школы ты должна сразу устроиться на работу. Существует много рабочих мест, не требующих квалификации. Это сейчас лучшее, что ты можешь сделать для семьи. Высшее образование тебе ни к чему. Ты совсем не приспособлена к карьерному росту и к руководящим должностям. У тебя нет ни твердого характера, ни стремления к достижению цели,

без чего не возможно реализовать себя в благородной профессии, – отец махнул рукой, подводя черту. – А пока ты не выскочила замуж и продолжаешь жить в нашем доме, тебе стоит проявлять побольше уважения к собственным родителям и выполнять все наши просьбы. И не забывай, что ты живешь за наш счет!

Отец ошибся насчет твердого характер. Он так мало обращал внимания на свою дочь, так мало с ней разговаривал, что знал о ней меньше, чем знает первоклассник о способах добычи огня у австралийских аборигенов. Живя в, казалось бы, полноценной семье, по сути, Василиса была одиноким подростком, и только небезразличие деда спасало ее порой от мрачных размышлений и необратимых поступков.

Вася не оставила мысль об институте. Еще раз все тщательно обдумав, и обсудив с дедом возможные последствия, она только укрепилась в своем желании. Каждая свободная минутка была использована для подготовки к экзаменам. От природы отличная память и пытливый ум с легкостью усваивали как формулы из алгебры, так и правила русского языка.

Как ни странно, Коля оказался на ее стороне. Вступающий в подростковый период, когда все переворачивается с ног на голову, он захотел попробовать вкус свободы, и поставил родителям ультиматум: или он самостоятельно посещает свои занятия или ноги его не будет на конкурсе юных дарований. Родители сдались. Василиса полностью смогла посвятить себя учебе.

ЕГЭ Василиса сдала успешно. После было еще много бесед с родителями. Были и душевные разговоры с мамой, и воспитательные монологи отца. Были уговоры, намеки, слезы. Вася уперлась и подала документы в ТЭГИ. Ее приняли. В семье наступила затяжная холодная война.

В день, когда ей исполнилось восемнадцать, состоялся печальный для всех разговор и последняя попытка навязать ей придуманную жизнь.

– Ты поступила по-своему, не спрашивая нашего согласия. Мы скрепя сердце признали твой выбор. Прошел месяц после твоего совершеннолетия. Мы решили, что более не обязаны финансировать твои прихоти. Можешь остаться жить в квартире, но все денежные затраты, как-то проезды, обеды, канцелярия и все прочее связанное с институтом, ты будешь оплачивать из своего кармана.

– Но у меня нет денег! – Василиса была в смятении от таких условий.

– Ты в любой момент можешь бросить институт, устроиться на работу и вернуться в семью, – заявил отец.

– Васенька, милая, в конце концов, ты можешь закончить какие-нибудь курсы повара или швеи. Такие знания всегда пригодятся в жизни, – умоляюще произнесла мама, выглядывая из-за плеча отца.

Тогда Василиса Волкова, сославшись в институте на осеннюю простуду и предупредив Коленьку, поехала в Крутояр попросить совета у единственного близкого человека, по-на-

стоящему желающего ей добра.

Дед внучку выслушал. А потом попросил у нее прощения за себя и своего сына.

В свое время, Прохор Игнатьевич, будучи властным человеком, не простил сыну собственного мнения в выборе своей судьбы и разорвал с ним связь, когда тот посмел настоять на своем. Сейчас же, спустя много лет, Андрей, являясь точной копией отца, повторял его чудовищную ошибку.

Василиса деда простила, простила и отца с матерью, вернулась в город и перевелась на заочное отделение. Одновременно устроившись работать курьером в страховую компанию.

Что уже наступил вечер, Василиса догадалась по тому, как трудно стало различать цвета шерсти. Кошка уже давно спустилась в подполье на ночную охоту, а баба Надя заваривала очередной чайник с мятой.

– Как там твой постоялец-то? Целый день один, беспомощный, а вдруг ему что понадобится, а помочь некому, – проговорила баба Надя.

– Надоела я вам, выгоняете? – улыбнулась Вася.

– Что ты, Васенька, можешь хоть до утра сидеть, – всплеснула руками Надежда Алексеевна. – Я про приятеля твоего вспомнила, голодный, поди сидит, не жалко?

– Не мой он. Да и не приятель он мне вовсе, – ответила девушка. – И он вполне может сам себе что-нибудь приготовить. С руками у него все в порядке.

Баба Надя щелкнула выключателем. Комнату тут же залил желтый электрический свет, за окошком в одно мгновение сгустилась тьма. Уходить не хотелось, аромат мяты наполнил кухню, и Вася перебралась из кресла за круглый стол, поближе к хрустальной вазочке с конфетами и печеньем.

– Баб Надь, а чего вы с моим дедом так и не поженились?

– Да ты что? Мы и не думали. Людей смешить? Кому надо и так знали, а кто не знал, до того и нам дела не было. Да и сыновья дедовы не больно радовались нашим отношениям. Пока мы по разным избам ночевали, они терпели, а ежели сошлись бы, то еще неизвестно, чем бы все закончилось. Мать то свою, твою бабушку, они хорошо помнили, другая им не нужна была. Уж очень сильно они переживали, когда мамка их умерла. Андрей, отец твой, даже обвинял деда в смерти матери.

– Причем тут дед? – удивилась Вася. – Мне рассказывали, что бабушка болела.

– Ну да, болела. Андрей после похорон на деда накинудся, что тот не отвез ее в город лечиться, – вздохнула Надежда Алексеевна. – А как ее увезешь? Если она уперлась. Никуда не поеду и все тут! Отлежусь, травки целебные попыю. За пару дней сгорела. Потом сказали, что быстротечная пневмония была. Можно было бы спасти, если бы в первые дни

болезни в больницу доставили. Вот Андрей и затаил обиду на отца. Только мне думается, на себя он злился. Тоже уже не маленький был, восемнадцать ему стукнуло. Мог и сам решение принять.

– Так вот почему он после армии от отца подальше надумал уехать, – грустно предположила Вася.

– Все может быть, – подтвердила баба Надя. – В душу не заглянешь, на лбу не написано...

Новый телефонный разговор с Никитой не добавил бодрости и в без того паршивое настроение. Муж с оптимизмом порывался приехать и поддержать Василису, отлично зная, что до деревни добраться невозможно. Такое лицемерие слушать было неприятно, Вася поскорее закончила разговор.

Уже точно стало известно, что мост восстановлению не подлежал и Черных метался по кабинету чернее тучи.

– Гады какие, ни стыда, ни совести. Не могут они к нам пробраться, – пыхтел Черных, ходя по кабинету. – Я им говорю – у нас человек умер, а они мне – мертвый не больной, скорая помощь не поможет.

Василиса рассеянно слушала громогласные возмущения председателя, следя глазами за его передвижениями и кивала головой, соглашаясь в нужных местах. Она прекрасно понимала его гнев. И дело не только в погибшем Славе. Ему то, как раз и не нужен был мост. Но несколько десятков человек остались отрезаны от мира. И в случае опасности для их жизни помощи ждать было не откуда.

– Чего расшумелся, старый медведь? – голос Захарова пробился сквозь монолог Черных. – А, вот ты где, а то твой раненный говорит, убежала девица раным-рано, бросила без женской ласки и заботы добра молодца, – увидел он Василису.

– Не мой он, – досадливо сморщив нос, пробормотала Василиса. Сговорились они все что ли?

– Твой, не твой. Живет у тебя – тебе о нем и волноваться, – уже серьезно произнес Захаров. – Нам с Сергеичем перетереть надо, ты не уходи пока, посиди в приемной. Дело к тебе есть.

– Может позже? Я домой сбегаю – позавтракаю и вернусь.

– Василиса, не уходи. Так надо, – строго повторил свою просьбу Захаров и вошел в кабинет.

Удивленно посмотрев на закрытую перед ее носом дверь, Вася присела на диван, теряясь в догадках. Что-то не так с Маратом? Когда утром она на цыпочках, стараясь не разбудить постояльца, выскользнула из дома, он еще спал. Что могло случиться за это время? А может, что-то плохое с бабой Надей? От нахлынувшего беспокойства сидеть на одном месте было не вмоготу. Еще пять минут и я войду, решила она для себя. Но нарушать таинственную беседу не пришлось, дверь в кабинет распахнулась, в проеме показались Захаров с Черных. Они уставились на Василису с хмурыми лицами.

– Что случилось? – Василиса переводила взгляд с одного на другого. – Надежде Алексеевне плохо?

– С чего ты взяла? – искренне удивился Захаров. – Насколько мне известно, с ней все отлично. Тут другое дело к тебе есть.

Черных присел к ней на диван и вежливо поинтересовал-

ся:

– Расскажи-ка нам, когда ты последний раз видела дядю Славу?

Василиса задумалась. Последняя их встреча была не очень приятная для нее. Дядя Слава или Славик, как все привыкли его называть, был ее родным дядей, младшим братом ее отца. В отличие от старшего брата, он остался верен родной деревне и в город за лучшей жизнью не умотал. А еще, Василиса не питала к нему добрых чувств, более того, она его тихо ненавидела.

– Когда приехала в Крутояр, тогда и видела. Он в этот же день пьяный приплелся, мы поговорили, он ушел. Мы в деревне еще встречались несколько раз, но не разговаривали.

– А потом? Ты же здесь дней пять уже была до Славиной смерти. Хочешь сказать, что он больше к тебе не приходил? – удивился Черных. – Всем известно, что он за тобой хвостом вился, долю в наследстве требовал, да со двора нес, все, что не прибито.

– К чему эти вопросы? Какое теперь это имеет значение? Славик погиб. Наши разногласия разрешились сами собой, – начала раздражаться девушка. – О мертвых плохо не говорят.

– Василиса, тут дело не простое, – заговорил Захаров. – Ты не ерничай, а выслушай, что я тебе скажу. Мы ведь неспроста интересуемся твоими встречами со Славой. Я вчера осматривал труп... И, к сожалению, выяснил, что смерть

Славы не несчастный случай... Его убили.

Василиса в изумлении вытаращилась на Захарова.

– Убили? С чего вы взяли? Вы же сами утверждали, что это был несчастный случай – его придавило поленицей.

– Придавило, – не стал отрицать Захаров. – Но после. Характерные травмы на передней части тела позволяют с уверенностью говорить, что смертельные ранения он получил в результате сдавливания. Но есть еще одна единственная травма на затылке, которая не могла появиться в результате обрушения поленицы. Кто-то, оглушив Славу ударом по голове, бросил его в сарай и, еще живого, завалил чурбанами.

Капли липкого пота выступили у Василисы на лбу, все плавно поплыло перед глазами.

– Да откройте же окно, разве не замечаете, что девушке плохо? – услышала она Марата, которого здесь не было. – Совсем не обязательно ей знать все подробности.

Крепки руки обняли за плечи, не давая завалиться, а в ухе послышался шепот:

– Жду не дождусь, когда ты потеряешь сознание, так хочется вновь попробовать вкус твоих губ.

От этих слов она не просто пришла в себя, а рывком вырвалась из державших ее рук и вскочив, отбежала за большой стол, больно стукнувшись при этом бедром об угол стола. Марат проводил ее задумчивым взглядом исподлобья.

– Выпей воды, – доктор заботливо сунул ей под нос стакан с водой. Черных распахнул окно. Влажный, холодный воздух

мигом заполнил помещение.

Боком примостившись на стул, Вася недоверчиво глянула на Марата. В голове понемногу прояснилось, рассеялась пелена перед глазами. В подаренном ею черном свитере, он вальяжно расположился на диване. Не обращая более на нее внимания, завел разговор с председателем. Вася озадачено вздохнула. Не показалось ли мне? Только что он грозился меня поцеловать, а теперь делает вид, что меня не существует. Но почему меня это волнует? Я замужем, строго напомнила она себе. Вероятно, он приехал с Захаровым, и все это время провел в коридоре, слушая, как ее допрашивают.

Марат, прихрамывая, прошел в кабинет, закрыл за собой дверь. Телефонный разговор.

– Ну как, Василиса, тебе лучше? – заботливо поинтересовался Захаров. – Ты в состоянии отвечать на вопросы?

– Да, спрашивайте. Только я вряд ли смогу помочь. Кому вообще понадобилось убивать Славика? С него и взять-то было нечего...

– В Крутояре не было ни одного убийства несколько десятков лет. Этот случай всех выбил из колеи, – сокрушаясь, проговорил Черных. – Не знаю даже, как людям сообщить о такой беде. Ведь выходит, что убийца кто-то из своих...

– Вот Роман Сергеевич упоминал, что всякий раз, как ты приезжала сюда после смерти деда, Слава с тебя наследство требовал, а в этот раз он только однажды к тебе приходил. Не скажешь почему? – спросил Захаров.

– Скажу, – честно ответила она, – Надоел он мне со своими претензиями. Наследство ему только для одного и нужно было – чтобы продать дом поскорее, а деньги пропить. В доме на чердаке упряжь дорогая висит, от деда осталась. Я Славе пригрозила, что если еще раз он ко мне сунется, я ее в реке утоплю, вызову полицию и заявление напишу, что видела, как он седла в город увозил. Он покраснел от злости, обозвал меня нехорошим словом и ушел. Потом, когда в деревне у магазина несколько раз встречались, он со мной даже не здоровался. Увидит меня, плюнет себе под ноги и отвернется.

– Жестоко ты с ним, – покачал головой доктор.

– Вы же знаете, что он с дедовскими лошадьми сделал. Дед после этого так и не оправился, – тщательно скрывая гневное раздражение, проговорила Вася.

– Вспоминай, может, он угрожал тебе или наоборот, предлагал деньги за имущество деда? – спросил Черных.

– Да нет же, ничего подобного не было. Да и откуда у него деньги? Он только начал говорить про то, чтобы я ему долю выделила, а я ему сразу про сбрую, на том наш разговор и завершился.

– Хорошо, с этим все ясно. Я обязан задать еще один вопрос, – Черных пристально вперился девушке в лицо. – Где ты была с вечера пятницы до субботы утром, пока не встретила Марата?

– Вы сейчас хотите узнать, есть ли у меня алиби? Или я

ошибаюсь? – подозрительно поинтересовалась Вася.

– Не ошибаешься. Роман Сергеич, как единственный представитель власти на данный момент обязан произвести опрос всех жителей, которые вступали в контакт со Славиком. Мне тоже пришлось вспоминать, где я был в тот день, – вместо Черных ответил Захаров. – Остальным еще предстоит этот не очень приятный разговор.

– Остальные – это кто?

– Ваня со своей артелью. Да и те, с кем Слава любил скоротать вечера за рюмкой. Не всегда же он пил в одиночестве.

– Хорошо, я отвечу, – согласилась она, задумавшись на пару секунд. – Вечером в пятницу я поужинала у Надежды Алексеевны, мы поболтали, и часов в восемь я пришла домой. Почитала книжку, легла спать. В шесть я встала, в семь я была уже на озере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.